Графъ Суворовъ

2 изд.

Д 1/325

2007099007

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ

ГРАФЪ СУВОРОВЪ

РЫМНИКСКІЙ.

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школъ сего Министерства.

Изданіе второе.

СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНІЯМИ.

Съ четырнадцатью рисунками.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Изданіе Редакціи народнаго журнала «Морской Вѣстникъ».

1873.

Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ.

Д 1/325

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ

ГРАФЪ СУВОРОВЪ

РЫМНИКСКІЙ.

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школъ сего Министерства.

Изданіе второе.

СЪ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНІЯМИ.

Съ четырнадцатью рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ».
1873.

обзавелся хозяйствомъ, женился и сдѣлался семьяниномъ.—Дѣтей своихъ Суворъ воспитывалъ въ страхѣ Божіемъ, да въ любви къ Царю и новой отчизнѣ и, умирая, оставилъ по себѣ добрую память въ сердцахъ всѣхъ, кто его зналъ. Таковъ-то былъ Суворъ.

Потомки Сувора служили Россіи вѣрой и правдой и на Суворовыхъ подтвердилась вполнѣ справедливость народной поговорки, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Много было на святой Руси знаменитыхъ людей и героевъ, много было и полководцевъ, но всѣхъ славнѣе, всѣхъ знаменитѣе былъ потомокъ переселившагося въ Россію шведа Сувора,—свѣтлѣйшій князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій.

Кто изъ Русскихъ не слыхивалъ про этого героя? Кто не знаетъ о его великихъ подвигахъ? Разсказы о Суворовѣ переходятъ изъ рода въ родъ изустно и письменно; о немъ то я и хочу говорить теперь съ вами.

Отецъ знаменитаго полководца, Василій Ивановичъ Суворовъ образованіемъ своимъ и неутомимою дѣятельностію заслужилъ особенное расположеніе Императора Петра I-го. Василій Ивановичъ Суворовъ служилъ въ военной службѣ инженеромъ. Императрица Елисавета пожаловала его чиномъ генералъ-лейтенанта, а впослѣдствіи онъ былъ назначенъ сенаторомъ и произведенъ въ полные генералы. Стало быть, сынъ Василія Ивановича Суворова, Александръ, съ юныхъ лѣтъ могъ уже ознакомиться съ воинскими занятіями и полюбить ихъ.

Молодой Суворовъ почти все свободное время зани-

мался чтеніемъ дѣльныхъ книгъ, преимущественно военныхъ. Любилъ онъ также рисовать и чертить всякаго рода планы и карты. Ростомъ онъ былъ малъ, худенькій и тощій, страдалъ одышкой, и казалось, что не по силамъ будетъ ему суровая, боевая жизнь. Потому-то, не смотря на всѣ его просьбы, отецъ Суворова и слышать не хотѣлъ, чтобы сынъ его когда-либо поступилъ въ военную службу.

— «Ну, тебѣ ли тянуть солдатскую лямку», говорилъ онъ иногда: «да ты и ружья-то не въ силахъ поднять; ну, какой же ты будешь солдатъ!»

Слова эти сильно огорчали молютку Суворова, но онъ не унывалъ и старался развивать свои слабыя силы. Для этого онъ ежедневно, и въ холодъ и въ зной, выбѣгалъ въ чистое поле, бѣгалъ сколько могъ, лазилъ по деревьямъ, оврагамъ, прыгалъ чрезъ рвы и канавы, купался раннею весною и въ позднюю осень. Все это съ каждымъ днемъ укрѣпляло его болѣзненное тѣло. Эти ежедневныя тѣлесныя упражненія недолюбливалъ дядька его, Степанъ, который едва успѣвалъ чинить барину платье и сапоги.

Такъ проводилъ время Александръ Васильевичъ Суворовъ, въ Новгородской деревенькѣ, до 12-тилѣтняго возраста. Отецъ по прежнему, предназначалъ его къ службѣ гражданской, а мальчикъ и во снѣ и на яву мечталъ только о военной службѣ.

Однажды, въ праздникъ, къ отцу Суворова пріѣхали гости и въ числѣ ихъ былъ старый другъ его, генералъ Ганнибалъ. Въ это время нашъ юнный герой, лежа на полу въ своей комнатѣ, читалъ исторію какой-то войны, и разсматривая карту, онъ отмѣчалъ на

ней тѣ передвиженія войскъ, о которыхъ говорилось въ этой исторіи.

Вошолъ Степанъ и, вынулъ изъ шкафа новую пару платья, развѣсилъ ее на стулѣ и сказалъ:

—«Александръ Васильевичъ, довольно вамъ заниматься; папенька зоветъ, гости пріѣхали, одѣвайтесь живѣе.»

Суворовъ, занятый чтеніемъ, не обратилъ никакого вниманія на слова своего дядьки. Видя, что баринъ не слушаетъ его, Степанъ, по обыкновенію своему, взялъ его подъ руки, поднялъ съ полу и, посадивъ передъ собою на стулъ, снялъ съ него старыя сапоги, прежде нежели тотъ успѣлъ опомниться.

—«Что ты? Что ты? Господь съ тобою, старина! Зачѣмъ это ты меня раздѣваешь?» съ удивленіемъ спрашивалъ молодой Саша, смотря на свои раздѣтыя ноги. «Спать еще рано, я не хочу!»

—«Какое спанье, сударь, среди бѣлаго дня! Вѣдь вишь какъ зачитались, и себя-то не помните! Говорятъ вамъ гости пріѣхали!»

—«Опять эти несносные гости!» проговорилъ сквозь слезы маленькій Суворовъ, поглядывая съ сожалѣніемъ на лежащія на полу книги и планы. «Неужели имъ и работы-то нѣтъ никакой? Сидѣли бы дома!»

—«Ну, полно вамъ, сударь, полно! Одѣвайтесь скорѣе, да идите. Нерѣвно еще папенька будетъ сердиться!»

Одѣвъ наскоро молодаго барина, Степанъ повелъ его за руку въ залъ.

Увидя, что къ отцу его пріѣхало нѣсколько человѣкъ гостей, мальчикъ до того смѣшался и оробѣлъ, что остановясь какъ вкопаный въ дверяхъ залы, прогово-

рилъ скороговоркой: «у—ухъ! какъ тутъ много народу!» и затѣмъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, выбѣжалъ въ садъ, какъ бѣлка взобрался на первое, попавшееся ему дерево, и, едва переводя духъ отъ усталости, притаился въ вѣтвяхъ.

Не долго оставался онъ тамъ, сидя на деревѣ; лишь только гости, гулявшіе по саду, вошли въ комнату, какъ молодой Суворовъ слѣзъ осторожно на землю и, пробравшись къ калиткѣ сада, вышелъ въ открытое поле. Тутъ, не подалеку отъ калитки, паслась стреноженная крестьянская лошадь. Она изрѣдка перепрыгивала съ мѣста на мѣсто и лѣниво щипала траву, съ усиліемъ отмахиваясь отъ мухъ и шмелей.

Саша осторожно подошолъ къ этой лошади, распуталъ ей ноги и, вцѣпившись въ гриву обѣими руками, ловко вскочилъ къ ней на спину. Испуганная лошадь рванулась впередъ и, чувствуя себя на свободѣ, быстро помчалась во всю скачь. Долго носилась она по полю съ своимъ сѣдокомъ, который смѣло билъ ее въ бока каблуками. Наконецъ она, выбившись изъ силъ, остановилась. Саша, измученный такою непривычною для него ѣздою, спустился на землю и, шатаясь, отправился къ дому.

На половинѣ дороги его встрѣтилъ Степанъ, который все это время искалъ своего молодаго барина въ домѣ и въ саду.

—«Ну, что вы, что вы опять тутъ надѣлали!» говорилъ онъ, едва переводя духъ отъ усталости. «Озорникъ вы эдакой, прости Господи! Побойтесь вы Бога, да и меня старика пожалѣйте. Вѣдь вы чуть голову не сломали.

— «А ты слышалъ пословицу: «смѣлымъ Богъ владѣетъ; храбрость города беретъ; двухъ смертей не бывать, а одной не миновать,» — отвѣчалъ нашъ мальчикъ.

— «Ну, нѣтъ, Александръ Васильевичъ; есть и другія пословицы, да тѣ и поумнѣе будутъ маленько,» отвѣчалъ Степанъ. «Слыхали ли, вы сударь, что береженаго и Богъ бережетъ; на Бога надѣйся, а самъ не плошай.»

— «Да я развѣ плошалъ! Вѣдь ты самъ видѣлъ, что я обѣими руками держался за гриву.»

— «То-то держался! Вамъ-бы все, батюшка, шутить, а мнѣ-то каково? Вѣдь все сердце изныло, глядя на ваши шалости. И какъ это вы ничего не боитесь?»

— «Да развѣ солдаты боятся чего-нибудь?»

— «Да вѣдь вы не солдатъ, батюшка, Александръ Васильевичъ. Да что съ вами и говорить. Вонъ папенька-то и слышать не хочетъ про военную службу, а вы дѣлаете ему наперекоръ. Стыдно, батюшка, стыдно. Бросьте вы эти шалости. Ужъ солдатомъ вамъ не бывать!«

— «А вотъ увидишь, что буду!»

— «Ну, ладно, ладно, посмотримъ... Вишь, какъ вы изодрали все платье! А еще сегодня поутру было цѣлехонько!»

И Степанъ ввелъ своего воспитанника обратно въ домъ.

Между тѣмъ, Василій Ивановичъ, отецъ молодаго Суворова, сидѣлъ съ своими пріятелями къ кабинетѣ. Ганнибалъ, заслуженный воинъ, спрашивалъ его о занятіяхъ и наклонностяхъ молодаго Саши,—и старикъ

Суворовъ откровенно высказалъ ему все, что было у него на сердцѣ. Онъ говорилъ, что сынъ его чувствуетъ большую наклонность къ военной службѣ, но что здоровье его едва-ли позволитъ ему переносить воинскіе труды.

Въ это время вошелъ въ кабинетъ и самъ молодой Суворовъ. Поцѣловавъ руку отца, онъ подошелъ, по старинному обычаю, къ рукѣ Ганнибала, который обласкалъ мальчика и началъ его распрашивать о занятіяхъ. Долго толковали они. Самъ Василій Ивановичъ, прислушиваясь изрѣдка къ ихъ разговору, удивлялся быстрымъ и дѣльнымъ отвѣтамъ своего сына. Только что молодой Суворовъ ушелъ изъ комнаты, какъ Ганнибалъ съ распростертыми объятіями подошелъ къ старому Суворову и, поцѣловавъ его, сказалъ: «Ну братъ, Василій, наградилъ-же тебя Богъ сынкомъ! Не по лѣтамъ онъ уменъ; если даже половина офицеровъ нашихъ будутъ такіе, какъ онъ, такъ русская армія будетъ первою въ мірѣ!»

— «Да, онъ мальчикъ толковый,» отвѣчалъ отецъ, «но только военнымъ ему не бывать.»

— «Полно, не бери грѣха на душу; подумай хорошенько объ этомъ,» говорилъ Ганнибалъ. «Вѣдь это дѣло нешуточное. Не даромъ-же твой Саша имѣетъ способности и страсть къ военной службѣ. Нечего смотрѣть, что онъ слабъ здоровьемъ. Лѣтъ черезъ пять или шесть онъ такъ развернется, что и не узнаешь его!»

— «Нѣтъ, не вынесетъ онъ солдатской службы,» возразилъ Василій Ивановичъ. «Да къ тому-же, онъ

у меня единственный сынъ, единственная подпора моей жизни.»

— «Такъ что-же изъ этого? Единственному-то сыну и давай дорогу. Да полно, Василій, что тутъ упрямиться; повѣрь, что я добра тебѣ желаю; самъ Богъ видно послалъ меня, чтобы рѣшить участь Саши!»

Долго отецъ Суворова молча ходилъ по комнатѣ, раздумывая о словахъ своего пріятеля.

— «А что, и въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, на то Божья воля,» подумалъ наконецъ старый Суворовъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— «Ну, быть по твоему! Благословлю я моего сына.»

— «Вотъ этакъ-то лучше, пріятель! Давай его сюда, молодца.»

Позвали Сашу.

Долго и пристально смотрѣлъ на него Василій Ивановичъ, какъ-бы стараясь убѣдиться, способенъ-ли его сынъ быть воиномъ. Наконецъ онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— «Ну, Саша, много разъ я говорилъ тебѣ, что ты слабъ здоровьемъ, что не вынести тебѣ солдатской, трудовой жизни. Но вотъ генералъ Ганнибалъ, старый мой другъ и пріятель, убѣдилъ меня не противиться твоему желанію, отпустить тебя въ военную службу. Будь на то воля Божія!»

Словно какъ ожилъ молодой Александръ Суворовъ. Онъ едва помнилъ себя отъ восторга и на колѣняхъ цѣловалъ руку своего отца.

— «Ну, полно, Сашенька, полно!» ласково говорилъ ему отецъ. «Еще не все я сказалъ тебѣ. Слушай-же: по закону покойнаго государя Петра Велика-

го, всякій дворянинъ могъ поступить въ военную службу, но не иначе, какъ рядовымъ, и потому дворяне, которые намѣрены были отдать дѣтей своихъ въ военную службу, записывали ихъ въ войска при самомъ рожденіи. Дѣти ихъ, живя дома, производились за выслугу лѣтъ въ офицерскіе чины. Но я никогда не думалъ и не гадалъ отдавать тебя въ военную службу, а потому не зачислилъ тебя въ полкъ заранѣе, еще при твоемъ рожденіи, такъ что ты долженъ будешь начать службу рядовымъ.»

При этомъ Василій Ивановичъ крѣпко обнялъ своего сына и благословилъ его на предстоящіе ратные труды. Молодой Александръ Суворовъ набожно перекрестился, и еще разъ поцѣловалъ руку отца.

— «Ну, помни мой сынъ,» прибавилъ старикъ, «что хорошій солдатъ всегда набоженъ и соблюдаетъ присягу; онъ служитъ вѣрой и правдой царю и отечеству. Вотъ тебѣ мой завѣтъ отцовскій, а теперь, «здорово солдатъ!»

— «Здравія желаю ваше превосходительство!» быстро отвѣчалъ молодой Суворовъ, принявъ неожиданно солдатскую осанку.

— «Ну, посмотри ты самъ, какой онъ молодецъ!» воскликнулъ старый Ганнибалъ. И помяни ты мое слово, что этотъ мальчикъ будетъ первымъ служакой въ нашемъ войскѣ!

— «Дай-то Богъ устами твоими медъ пить, старый товарищъ!» отвѣчалъ отецъ Суворова. «Ну, Саша твое дѣло кончено. Поживи еще дома немного; надо кое-что приготовить къ отъѣзду, а тамъ — съ Богомъ ступай на службу Царскую.»

Съ радостью бросился мальчикъ Суворовъ въ свою небольшую комнатку. Тутъ онъ встрѣтилъ своего дядьку, Степана, и сообщилъ ему радостную вѣсть. Долго не вѣрилъ старикъ такому неожиданному рѣшенію стараго барина, наконецъ убѣдился.

— «Ну, солдатъ, такъ солдатъ!» проговорилъ онъ наконецъ, поглядывая изъ подлобья на Сашу. «Да чему-же тутъ радоваться!»

— «Какъ чему, старина! Военный мундиръ!.. А музыка полковая, а барабаны, знамена, пушки, штыки! А война-то... сраженья!.. Нѣтъ! Помилуй Богъ, какъ это хорошо. Кричи-же, ура! Степанушка, кричи ура, голубчикъ ты мой!» И съ этими словами Суворовъ бросился на шею къ своему дядькѣ.

II.

Первое знакомство съ непріятелемъ.

Поступленіе на службу.—Суворовъ солдатъ.—Высочайшій подарокъ.—Друзья Суворова.—Производство его въ офицеры.—Занятія его.—Семилѣтняя война.—Суворовъ подполковникъ.—Первая битва.—Переправа въ бродъ.—Засада.—Побѣгъ проводника.—Непріятная встрѣча.—Вліяніе Суворова на наши войска.—Миръ.—Возвращеніе на родину.—Суворовъ полковникъ.

Два года еще прожилъ Александръ Васильевичъ въ родительскомъ домѣ, занимаясь въ это время, большею частію, военными науками. Василій Ивановичъ исподоволь приготовлялъ все необходимое для отправленія своего сына въ полкъ, въ столицу, но не желая съ нимъ разстаться, рѣшился и самъ вступить на вторичную

службу. Недолго длились ихъ сборы; уложивъ въ экипажъ необходимыя вещи и отслуживъ напутственный молебенъ, они отправились въ Петербургъ. Василій Ивановичъ Суворовъ записалъ своего сына рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ.

Александръ Васильевичъ (молодой Суворовъ) нанялъ себѣ вольную квартиру, не потому, что ему не нравилось общество солдатъ,—онъ любилъ ихъ всею душою, находилъ также достаточно времени, чтобъ бесѣдовать съ своими товарищами солдатами, но квартира была ему необходима для учебныхъ его занятій въ свободное отъ службы время.

Въ бесѣдахъ съ солдатами Суворовъ узнавалъ ихъ наклонности и нужды. Онъ строго исполнялъ службу, исправно ходилъ въ караулъ, на ученья и проч. Многіе изъ дворянъ, лѣпясь исполнять нѣкоторые наряды въ должность, нанимали за себя, въ этомъ случаѣ, солдатъ; но Суворовъ ретиво отбывалъ службу, не позволяя себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ своей обязанности. Деньги, которыя получалъ онъ отъ отца, были употребляемы имъ на покупку книгъ и плановъ, а потому и не мудрено, что въ самое короткое время у него составилась отличная библіотека, такъ что комната, которую занималъ онъ, походила болѣе на кабинетъ ученаго, нежели на квартиру простаго гвардейскаго солдата. Остальныя свои деньги онъ раздавалъ недостаточнымъ солдатамъ. Всѣ сослуживцы любили и уважали его. Часто приходили они къ нему, предлагая свои услуги: чистить его оружіе, платье и аммуницію, но Суворовъ рѣшительно, наотрѣзъ отказывалъ имъ въ этомъ, говоря, что «служить такъ служить, а то лучше

и не браться за это дѣло; взявшися за гужъ, не говори что не дюжъ!» Когда же солдаты усиленно спрашивали его, чѣмъ они могутъ отблагодарить его, то молодой Суворовъ просилъ ихъ поучиться, подъ его командою, фронту. Конечно, солдаты съ удовольствіемъ по-

Суворовъ на часахъ.

полняли его желаніе, и съ дозволенія начальства выстраивались на ротной площадкѣ, и начиналось ученье.

— «Настоящій полковникъ!» говорили солдаты, возвращаясь въ казармы послѣ такихъ ученій.

Однажды Александръ Васильевичъ стоялъ на часахъ въ Монплезирѣ, находящемся въ нижнемъ саду, въ Петергофѣ. Въ это время по саду прогуливалась императрица, и Суворовъ, съ ловкостію, отдалъ ей честь ружьемъ. Императрица замѣтила молодаго, ловкаго солдата, подошла къ нему и спросила фамилію.

— «Суворовъ, Ваше Императорское Величество,» отвѣчалъ онъ.

— «Суворовъ? Ужъ не родня ли ты моему старому генералу, Василью Ивановичу?»

— «Я сынъ его, Ваше Императорское Величество!»

— «Ай да молодецъ,» отвѣчала Государыня. «Ну, служи же, служи мой милый; желаю, чтобы ты былъ таковъ же, какъ и отецъ твой, старый заслуженный воинъ.»

— «Радъ стараться Ваше Величество!»

— «А вотъ тебѣ и награда за твою исправную службу,» сказала Государыня, подавая молодому Суворову рубль серебра.

— «Ваше Императорское Величество! солдатъ, стоящій на часахъ, по закону не имѣетъ права что либо принимать.»

— «Да ты, какъ я вижу, славный солдатъ; возьми же себѣ этотъ рубль, когда смѣнишься съ часовъ.»

Съ этими словами Императрица положила монету на землю, возлѣ Суворова.

Суворовъ былъ внѣ себя отъ радости, и, взявъ послѣ смѣны этотъ, первый Высочайшій подарокъ, хранилъ его до конца своей жизни, какъ драгоцѣнность.

Такъ-то служилъ и заслуживалъ молодой Суворовъ. За усердіе къ службѣ и хорошую нравственность онъ

вскорѣ произведенъ былъ въ капралы, потомъ въ унтеръ-офицеры и наконецъ въ сержанты. Суворовъ прошелъ всѣ степени солдатскаго чиноизводства. Онъ самъ былъ вездѣ и во всемъ исправнымъ, а потому на службѣ былъ строгъ и взыскателенъ къ своимъ подчиненнымъ; но внѣ службы Суворовъ старался со всѣми быть ласковымъ и предупредительнымъ. «Служба службою, а дружба дружбою,» такъ говаривалъ онъ иногда своимъ сослуживцамъ. Впрочемъ, особенной дружбы онъ ни съ кѣмъ не водилъ, и когда Императрица, узнавъ о томъ, спросила его однажды, отчего онъ не сближается съ своими товарищами, то молодой Суворовъ отвѣчалъ ей, что не хочетъ бросать своихъ старыхъ пріятелей для новыхъ друзей.»

— «Кто же эти пріятели?» спросила Императрица.

— «Александръ Македонскій, Аннибалъ, Вобанъ, Карно и многіе другіе авторы тѣхъ книгъ, которыя я изучаю.»

Такъ прослужилъ Суворовъ солдатомъ 7 лѣтъ и только на 22-мъ году отъ рожденія произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ. Семь лѣтъ тянулъ онъ солдатскую лямку. Сверстники его уже были въ большихъ чинахъ и занимали важныя должности; такъ напримѣръ: Салтыковъ на 23-мъ году былъ уже полковникомъ, а Румянцовъ на 17 году—полковникомъ, а на 22-мъ—генералъ-маіоромъ. Но Суворовъ нисколько не завидовалъ своимъ сверстникамъ и впослѣдствіи обыкновенно говаривалъ: «я не прыгалъ съ молоду, за то теперь прыгаю!»

По производствѣ въ офицеры, Александръ Васильевичъ поселился въ отцовскомъ домѣ и еще съ боль-

шимъ усердіемъ предался наукамъ. Запираясь отъ гостей въ своей комнатѣ, онъ не выходилъ къ нимъ, и на замѣчанія отца отвѣчалъ:

— «Зачѣмъ же я буду сидѣть съ ними батюшка, вѣдь время дорого, а отъ нихъ я полезнаго ничего не узнаю.» Генералъ Ганнибалъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ молодаго Александра Суворова и просилъ отца его не отвлекать сына отъ учебныхъ занятій.

Суворовъ вполнѣ ознакомился съ солдатскимъ бытомъ и хорошо умѣлъ говорить съ солдатами; онъ воодушевлялъ ихъ словами, и это солдатское краснорѣчіе пригодилось ему впослѣдствіи, когда онъ самъ сдѣлался военноначальникомъ.

Когда, въ 1751 году, началась такъ называемая семилѣтняя война, то Суворовъ перешелъ въ армію поручикомъ.

Знаменитый въ то время прусскій король, Фридрихъ Великій, не зная русскихъ войскъ, не страшился ихъ, и нерѣдко говорилъ, что Русскіе составляютъ орду дикарей, которые не будутъ умѣть сражаться съ прусскими гренадерами; но вскорѣ пришлось ему перемѣнить свое мнѣніе о русскихъ войскахъ. Послѣ кровопролитной битвы подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ, онъ сказалъ окружавшимъ его генераламъ: «Русскихъ можно всѣхъ перебить, но никакъ не побѣдить!»

При началѣ семилѣтней войны, Суворовъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но въ продолженіи трехъ лѣтъ не участвовалъ въ битвахъ, находясь для особенныхъ письменныхъ порученій и, только по производствѣ въ подполковники, назначенъ былъ оберъ-провіантмейстеромъ. Живя въ Мемелѣ (прусскомъ городѣ) онъ очень

скучалъ; Суворову хотѣлось испытать свои силы въ битвѣ съ врагами и это желаніе его скоро исполнилось. Суворовъ назначенъ былъ въ отрядъ генерала Фермора, и первою битвою, въ которой участвовалъ Суворовъ, было дѣло при Куннерсдорфѣ. Пруссаки принуждены были отступить. Отчаяніе Фридриха было столь сильно, что раненый, онъ вышелъ впередъ, воткнулъ въ землю свою шпагу и съ горестью проговорилъ: «Неужели для меня здѣсь не найдется ядра!»

Командуя небольшими отрядами войскъ, Суворовъ говорилъ офицерамъ: «Господа! помните, что на-войнѣ, *глазомѣръ*, *быстрота* и *натискъ* составляютъ первое дѣло.» Потомъ, обращаясь къ солдатамъ, Суворовъ прибавлялъ: «*для русскаго солдата нѣтъ середины между побѣдою и смертью. Если сказано впередъ, то иди, хоть пришлось-бы идти въ огонь!*»

Суворовъ какъ училъ своихъ подчиненныхъ, такъ и тамъ поступалъ. Легкіе отряды Суворова безпрерывно тревожили враговъ, такъ что Король прусскій Фридрихъ принужденъ былъ укрѣпить лагерь, въ которомъ собраны были его главныя силы. Суворовъ безпрестанно безпокоилъ этотъ лагерь и однажды такъ близко подскакалъ къ нему съ своимъ летучимъ отрядомъ, что увидѣлъ палатку, въ которой помѣщался король. При этомъ набѣгѣ онъ захватилъ въ плѣнъ прусскій пикетъ.

Фридрихъ Великій, зная, что въ Познани (прусской области) расположены русскіе магазины, послалъ туда войска, чтобы овладѣть ими и тревожить русскій осадный корпусъ. Суворовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ посланъ отрѣзать этотъ отрядъ отъ Познани и препятствовать дальнѣйшимъ его движеніямъ.

Съ неимовѣрной быстротою обогналъ онъ прусскій отрядъ. Въ одну ночь прошелъ нашъ герой 40 верстъ и уже находился впереди непріятеля, какъ пришлось переправляться черезъ рѣку; солдаты въ нерѣшимости поглядывали одинъ на другаго, но Суворовъ, не отступавшій ни передъ чѣмъ, закричалъ:

— «Ну, что-же вы стали, чудо-богатыри! За мной, ребята!» и бросился въ воду. Весь отрядъ, благополучно переправившись частью въ плавь, частью въ бродъ, неожиданно явился передъ городомъ Лансбергомъ. Тогда Суворовъ обратившись къ отряду, сказалъ: «ура! теперь городъ нашъ?» Одинъ изъ казаковъ, замѣтивъ, что городъ занятъ прусскими гусарами, сообщилъ о томъ Суворову.

— «Помилуй Богъ, какъ это хорошо!» отвѣчалъ онъ: «вѣдь, ихъ-то мы и ищемъ!»

— «А можетъ быть, ихъ много,» замѣтилъ кто-то изъ отряда.

— «Тѣмъ лучше! Вѣдь не считать-же мы ихъ пришли, а бить,» отвѣчалъ Суворовъ.

Построивъ свой отрядъ и крикнувъ: «маршъ! маршъ!» полетѣлъ онъ на городъ. Городскія ворота были заперты. «Ломи ихъ!» закричалъ Суворовъ. Ударили бревномъ, и ворота разлетѣлись. Съ крикомъ и пальбою казаки вошли въ городъ. Прусскіе гусары невѣрили своимъ глазамъ; такое неожиданное, быстрое нападеніе ошеломило ихъ, сбило ихъ съ толку; они сдались, хотя были впятеро сильнѣе нашего отряда. Суворовъ поскакалъ къ мосту, по которому надо было проходить Платену. «Одно ломи, другое жги!» сказалъ онъ казакамъ, и моста какъ не бывало. Больше ему

нечего было здѣсь дѣлать: наведя страхъ на пруссаковъ, затруднивъ переправу черезъ рѣку, онъ ускакалъ изъ города.

Вскорѣ послѣ этого, Суворовъ напалъ на сильный отрядъ непріятеля, и разбивъ авангардъ, былъ окру-

Суворовъ переправляется въ бродъ.

женъ неожиданно главными силами отряда. Начальникъ прусскаго отряда предложилъ ему сдаться.

— «Сдаться! Не понимаю этого слова!» отвѣчалъ Суворовъ прусскимъ офицерамъ, и потомъ, обратясь къ своимъ солдатамъ, онъ сказалъ:

— «Эхъ, плохо, чудо-богатыри! Попались мы въ западню! Покажемъ-же теперь какъ Русскіе умѣютъ драться и какъ они умираютъ! За мною, ребята!» и съ этими словами Суворовъ бросился въ схватку. Завязалась кровавая сѣча, но, къ счастью, подоспѣли резервы и герой былъ спасенъ.

Желая помочь Бергу, начальствовавшему однимъ изъ нашихъ отрядовъ, Суворовъ отправился къ главноначальствующему, чтобы испросить его разрѣшеніе и просить подкрѣпленія. Выѣхалъ онъ съ двумя казаками и взялъ проводника, который завелъ его въ лѣсъ и бѣжалъ. Ночь была темная, дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ гремѣлъ безпрерывно. Лошади, то и дѣло, натыкались лбами то въ то, то въ другое дерево.

— Пропадемъ мы здѣсь, заговорили казаки.

— Какъ-бы не такъ? возразилъ Суворовъ: пропадемъ—за что?

— Да, куда-же намъ ѣхать?

— Куда глаза глядятъ.

— Темнеть такая, ни зги невидно!

— Слѣдуй за мной.

А самъ перекрестясь, ѣхалъ на удалую. Всю ночь пришлось имъ рыскать по лѣсу. Стало свѣтать. Послѣ грозы небо прояснилось.

— Ваше высокобрагородіе! радостно воскликнулъ одинъ казакъ: вонъ, вонъ лагерь видно! Слава тебѣ Господи!

— Лагерь, да не нашъ, возразилъ Суворовъ, всмотрѣвшись хорошенько.

Казаки замялись.

— Неробѣй, ребята! Помилуй Богъ, какъ это хорошо! Говоря эти слова, онъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее казакамъ. Тѣ вытаращили на него глаза, не понимая какъ остается онъ здѣсь, да еще пѣшій, когда непріятель на носу.

— Вотъ вамъ моя лошадь! сказалъ Суворовъ: за-

сядьте куда-нибудь въ чащу, между густыхъ кустарниковъ, чтобы васъ нельзя было замѣтить.

— А вы куда, ваше высокоблагородіе?

— Какъ куда?... Да вотъ туда!... Скоро вернусь.

И онъ побѣжалъ впередъ, по направленію къ непріятельскому лагерю.

— Непонятно, чего ему хочется, пробормотали между собою казаки.

Имъ было сомнительно, но въ тоже время и чрезвычайно любопытно слѣдить за тѣмъ, что будетъ дѣлать ихъ начальникъ. Они всѣ пошли назадъ, но постоянно оглядывались, не спуская съ Суворова глазъ. Что-же увидѣли? Суворовъ, пробирался между кустарниками, то нагнувшись, то прилегши къ землѣ, осторожно ползъ, и наконецъ, подползши къ высокому дереву, вскарабкался на самый верхъ. «Вишь куда забрался, нашъ удалецъ!» произнесъ одинъ изъ нихъ: «высмотрѣть, вѣрно, захотѣлось непріятеля. Какой онъ безстрашный, вѣдь всего на ружейный выстрѣлъ отъ прусскихъ часовыхъ.» Между тѣмъ, Суворовъ, сидя на деревѣ, окинулъ своимъ быстрымъ взглядомъ непріятельскій лагерь, высмотрѣлъ мѣстоположеніе, вычислилъ силы непріятеля и, вынувъ изъ кармана карандашъ и бумагу, все записалъ. Потомъ слѣзъ съ дерева и, по прежнему, пробравшись между кустарниками, возвратился къ своимъ.

— Ну, ваше высокоблагородіе! подивились мы, глядя на васъ, сами вы напрашиваетесь на бѣду.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ, отвѣтилъ отважный Суворовъ садясь на коня.

Зная теперь расположеніе непріятельскихъ войскъ,

легко было опредѣлить гдѣ долженъ былъ находиться русскій лагерь и, онъ поскакалъ туда.

Въ это самое время, русскіе сдѣлали нападеніе на пруссаковъ. Еще издали Суворовъ увидѣлъ, что нашихъ смяли, что они отступаютъ съ поля битвы. «Стой, стой! Куда вы бѣжите? Я здѣсь!» закричалъ онъ бѣгущимъ. Тѣ остановились, узнавъ знакомаго имъ удальца. «Стройтесь,» скомандовалъ онъ.

«Впередъ!» Голосъ Суворова ободрилъ солдатъ, которые подъ личною командою любимаго подполковника, сиова двинулись дружно въ атаку. Пруссаки, не ожидавшіе этого нападенія, были разбиты прежде, нежели резервы явились къ нимъ на помощь.

Съ воцареніемъ Петра III, война съ Пруссіею прекратилась и войска были направлены въ Австрію. Но, со смертію Императора Петра III, царствовавшаго весьма короткое время, вступила на престолъ Императрица Екатерина II, и русскія войска были отозваны въ Россію.

Панинъ, особенно благоволившій къ Суворову, отправилъ его съ нѣкоторыми личными донесеніями къ Императрицѣ въ С.-Петербургъ. Государыня обласкала храбраго подполковника, благодарила его за полезную и ревностную службу и пожаловала чиномъ полковника.

III.

Суворовъ-полковникъ.

Занятія Суворова съ солдатами.—Пріемъ новобранцевъ.—Катихизисъ Суворова.—Ученья Суворова.—Встрѣча Суворова съ полковникомъ Ламетомъ.—Милостивое вниманіе Императрицы Екатерины.—Дѣятельная жизнь Суворова.—Война противъ Барскихъ конфедератовъ.—Битва съ Огинскимъ при Смоленскѣ.—Осмотръ русскихъ крѣпостей въ Финляндіи.—Битва при Гирсовѣ.—Побѣда при Козлуджи.

Александръ Васильевичъ Суворовъ за побѣды въ Пруссіи получилъ чинъ полковника и былъ назначенъ командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ мѣстечкѣ Новой-Ладогѣ. Доволенъ былъ Суворовъ этимъ назначеніемъ; теперь онъ могъ ежедневно производить ученья, могъ вполнѣ пріучить своихъ солдатъ къ маневрамъ и дѣйствію противъ непріятеля. Суворовъ старался также внушить своимъ солдатамъ, *что только основательное знаніе воинскаго искусства, храбрость въ битвахъ, и полное довѣріе и повиновеніе начальникамъ дѣлаютъ солдатъ непобѣдимыми.*

Когда поступалъ новобранецъ въ полкъ, то Суворовъ прежде всего спрашивалъ его, знаетъ-ли онъ молитвы: Царю Небесный, Отче нашъ, Пресвятая Троицѣ и Символъ Вѣры. Потомъ онъ давалъ ему слѣдующее наставленіе: *люби Бога; Онъ насъ создалъ и все добро отъ Него, молись Ему, будь благочестивъ, уповай на Господа и имѣй всегда надежду на Государыню Матушку-царицу; чти и люби ее сердечно.*»—Послѣ того Суворовъ объяснялъ новобранцу, что долженъ исполнять каждый солдатъ, чтобы

вполнѣ быть достойнымъ славнаго имени: «солдата.» Суворовъ составилъ даже для своихъ подчиненныхъ особый «Катихизисъ» или собраніе правилъ, которыя должно было соблюдать, чтобы заслужить отъ полковаго командира Суворова почетное названіе: чудо-богатыря. Вотъ эти правила:

1.

Субординація *), экзерциція **).

2.

Каблуки сомкнуты, подколѣнки вытянуты, солдатъ стоитъ стрѣлой: четвертаго вижу, пятаго не вижу.

3.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Дѣло мастера боится, а крестьянинъ лѣнивъ, хлѣбъ не родится. За ученаго даютъ трехъ неученыхъ. Намъ мало трехъ, давай пять, десять! Всѣхъ повалимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ.

4.

Военный шагъ — аршинъ; въ захожденіи полтора. Голова хвоста не ждетъ.

5.

Непріятель не ждетъ, идетъ и веселится, а ты изъза горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ топи и болота, упади на него, какъ мечъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! Побѣда наша! У страха глаза велики. Просящаго по-

*) Повиновеніе. **) Воинскія упражненія.

щади—помилуй. Онъ такой-же человѣкъ; лежащаго не бьютъ.

6.

Береги пулю на три дня, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять.

7.

Пуля бьетъ въ полчеловѣка; стрѣляй рѣдко, да мѣтко, а штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, штыкъ не обманетъ. Трое наскочатъ, одного заколи, другаго застрѣли, а третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочитъ: отскочи шагъ, ударь одного, коли другаго, стрѣляй третьяго, притисни четвертаго, — послѣдніе твои! Въ сраженіи—картечь на голову! Согнись, бѣги впередъ, картечь летитъ сверхъ головы; тогда пушки твои, люди твои.

8.

Жителя не обижай, онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ.

9.

Стой за домъ Пресвятой Богородицы. Стой за матушку Царицу. Убьютъ—царство небесное! Церковь Бога молитъ. Живъ—намъ честь и слава.

10.

Когда въ лихорадкѣ, то не ѣшь и не пей,—цѣлый день, а при закатѣ солнышка, похлѣбай пустой кашки съ буквицею. Въ горячкѣ три дни не ѣшь и не пей.

11.

Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди—и живъ; трусишку и назади убиваютъ какъ со-

баку; ему—если живъ останется—ни чести, ни мѣста нѣтъ нигдѣ.

12.

«Намека, догадка, лживка, лукавка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка! Отъ немогузнайки много, много бѣдъ бываетъ!...»

Суворовъ самъ пріучилъ себя ко всѣмъ трудностямъ боевой жизни; онъ требовалъ, чтобы и всѣ подчиненные его не утомлялись продолжительными переходами и были всегда готовы вступить въ битву съ врагами. Ученья начинались лѣтомъ на разсвѣтѣ и оканчивались иногда поздно ночью. Обыкновенно, Суворовъ раздѣлялъ свой полкъ на двѣ части, изъ которыхъ одна представляла непріятеля; солдаты бросались въ аттаку, шли въ штыки. Суворовъ на конѣ слѣдилъ за ученьемъ, поправлялъ что было не такъ, поощрялъ храбрыхъ. «Ура! бей, коли,» такъ кричалъ онъ своимъ чудо-богатырямъ. «Штыкъ въ полчеловѣка!... Наблюдай интервалы!... Стой!... спасибо братцы!» Если Суворовъ бывалъ доволенъ ученьемъ, то командовалъ: «въ штыки!» и приказывалъ, по окончаніи ученья, выдать солдатамъ по чаркѣ водки. Если-же ученье шло дурно, то, вмѣсто команды: «въ штыки,» Суворовъ приказывалъ возвращаться въ казармы церемоніальнымъ маршемъ. Солдаты отъ души любили своего полковника, уважали его и цѣнили.

Суворовъ съ молодыхъ лѣтъ свыкся съ солдатскимъ житьемъ-бытьемъ; онъ не любилъ веселыхъ обществъ, танцевъ, карточной игры. Суворовъ казался страннымъ для тѣхъ, кто не вполнѣ привыкъ къ его живому, не-

терпѣливому характеру. Онъ ходилъ весьма скоро, припрыгивая. Суворовъ терпѣть не могъ, когда кто-нибудь въ отвѣтъ на его вопросъ, отвѣчалъ: «не знаю или не могу знать.» Тогда Суворовъ въ гнѣвѣ топалъ ногами, кричалъ, что не любитъ немогузнаекъ и требовалъ, чтобы ему тотчасъ-же дали ясный и опредѣлительный отвѣтъ.

Однажды, когда Суворовъ былъ уже генераломъ, встрѣтился онъ въ Кіевѣ съ полковникомъ Ламетомъ, Суворовъ вдругъ остановился, и, пристально смотря ему въ глаза, скороговоркой спросилъ:

— «А вы кто? какого званія? какъ ваше имя!»

— «Французъ, полковникъ, Александръ Ламетъ.»

— «Хорошо!» сказалъ Суворовъ.

Немного оскорбленный такимъ допросомъ, Ламетъ въ свою очередь, быстро переспросилъ Суворова:

— «Кто вы? какого званія? какъ ваше имя?»

— «Русскій, генералъ, Суворовъ,» отвѣчалъ Александръ Васильевичъ.

— «Хорошо,» прибавилъ Ламетъ.

Суворовъ захохоталъ, обнялъ его, и съ тѣхъ поръ Суворовъ и Ламетъ сдѣлались друзьями.

Въ другой разъ, послѣ маневровъ, Императрица Екатерина спросила Суворова:

— «Чѣмъ мнѣ наградить васъ, Александръ Васильевичъ?»

— «Ничего мнѣ не надобно, матушка!» отвѣчалъ Суворовъ.

— «Я непремѣнно хочу наградить васъ.»

— «Если такъ, матушка, то спаси и помилуй:

прикажи отдать за квартиру моему хозяину; покою не даетъ, а заплатить нечемъ.»

— «А развѣ много вы задолжали ему?»

— «Много, матушка! Три рубля съ полтиной.».

Деньги были выданы и Суворовъ послѣ того радостно разсказывалъ всѣмъ, что Императрица заплатила за него долги. «Промотался!» такъ говорилъ Суворовъ, «хорошо, что матушка за меня платитъ, а то бѣда-бы!»

Какъ-то разъ Суворову сказали, что Императрица недовольна имъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, Суворовъ поступилъ по-своему: онъ бросился предъ Государыней, и легъ у ногъ ея.

— «Что вы? что вы, Александръ Васильевичъ,» спрашивала Императрица, подымая его.

— «Вотъ увѣряютъ, будто я упалъ,» сказалъ Суворовъ, быстро вставая. «Видите—сама Матушка Царица подняла меня.»

Суворовъ вставалъ на зарѣ; обѣдалъ въ 7 или 8 часовъ утра. Обѣдъ его всегда состоялъ изъ однихъ только солдатскихъ щей и каши; иногда только прибавлялъ онъ къ своему обѣду еще какое-нибудь недорогое, незатѣйливое кушанье и рюмку вина. Послѣ обѣда Суворовъ нѣсколько часовъ отдыхалъ, а потомъ принимался за полковыя дѣла или-же читалъ книги, разсматривалъ планы сраженій и т. п. Когда наступалъ вечеръ, Суворовъ приказывалъ осѣдлать своего любимаго донскаго скакуна и нѣсколько часовъ упражнялся въ верховой ѣздѣ. Потомъ слѣдовалъ ужинъ, такой-же неприхотливый, какъ и обѣдъ, и послѣ пробитія зори, Суворовъ ложился спать, усталый отъ

дневныхъ трудовъ. Постелью для Суворова была солома, которую онъ въ шутку называлъ солдатскимъ пухомъ. Такою дѣятельною, трудовою жизнью Суворовъ вполнѣ укрѣпилъ свое слабое здоровье. Холодъ и зной ему были ни почемъ. Онъ не боялся трудовъ, никакихъ перемѣнъ погоды и того-же требовалъ и отъ своихъ солдатъ.

Въ свободные часы Суворовъ занимался обученіемъ грамотѣ солдатскихъ дѣтей. Онъ устроилъ для нихъ школу и для этого купилъ на свой счетъ въ Новой-Ладогѣ небольшой, деревянный домъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Суворовъ всегда присутствовалъ при богослуженіи, въ церкви читалъ «апостолъ» и пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ дьячкомъ.

Вскорѣ Суворову представился случай еще разъ выказать на дѣлѣ свои воинскія дарованія. Въ 1769 году началась война съ Польшею, которая въ то время была отдѣльнымъ независимымъ государствомъ. Польскимъ королемъ былъ тогда Станиславъ Понятовскій; многіе поляки были недовольны имъ за его приверженность къ Россіи, за нарушеніе нѣкоторыхъ старинныхъ правъ и проч. Недовольные составили особую «конфедерацію» или союзъ. Эта конфедерація собралась въ городѣ Барѣ *) и потому называлась Барскою.

Екатерина послала противъ конфедератовъ русскія войска, и въ этой войнѣ Суворовъ принялъ дѣятельное участіе. Онъ разстроивалъ всѣ планы и замыслы Поляковъ и имя Суворова сдѣлалось грозою въ Польшѣ.

---

*) Подольской губерніи; эта губернія въ то время была Польскою областью.

Случалось, что Суворовъ сражаясь ежедневно, дѣлалъ по 700 верстъ въ семнадцать дней (болѣе 42 верстъ въ сутки).

Въ одномъ изъ своихъ поисковъ Суворовъ едва не лишился жизни. Подъѣхавъ къ переправѣ черезъ Вислу, онъ въ нетерпѣніи, соскочилъ съ берега на паромъ, ударился грудью и упалъ въ воду; къ счастію одинъ гренадеръ спасъ его. Суворовъ послѣ того былъ болѣнъ три мѣсяца, но не оставлялъ службы.

Одержавъ славныя побѣды подъ Ландскроною и у Замосцья, Суворовъ узналъ, что вся Литва возстала, подъ предводительствомъ Огинскаго, великаго гетмана польскаго.

При первой вѣсти о возстаніи, Суворовъ поторопился извѣстить о томъ генерала Веймарна, полагая что получитъ приказаніе усмирить поляковъ, но получилъ приказаніе не двигаться съ мѣста.

Вскорѣ Суворовъ узналъ, что войско Огинскаго ежедневно умножается охотниками, что даже польскіе полки пристаютъ къ нему, и что Огинскій уже разсѣялъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько русскихъ малыхъ отрядовъ. Тогда Суворовъ перекрестился и съ 1000 человѣкъ выступилъ изъ Люблина, сказавъ:

— «Спасемъ нашихъ, — а тамъ пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! Я отвѣтчикъ.»

Къ генералу Веймарну онъ написалъ только: «фитиль на пушкѣ,—Суворовъ въ полѣ.»

На четвертые сутки Суворовъ былъ уже въ Слонимѣ, пройдя болѣе 200 верстъ! Человѣкъ полтораста отъ усталости не могли слѣдовать за отрядомъ, но Суворовъ отсталыхъ не ждалъ.

— «Гдѣ войско Огинскаго?» спрашивалъ онъ жителей.

— «Въ 50-ти верстахъ отсюда, въ мѣстечкѣ Столовичахъ», отвѣчали ему.

— «Чудо-богатыри!» такъ обратился Суворовъ къ своимъ солдатамъ; «даю вамъ два часа отдыха и— впередъ, бить Огинскаго!»

— «У Огинскаго 4000 человѣкъ войска и артиллерія,» сказалъ одинъ изъ генераловъ Суворову.

— «Помилуй Богъ!» отвѣчалъ онъ, «да вѣдь это только по пяти человѣкъ на одного нашего солдата, а они справлялись и съ десяткомъ».

На другой день, въ 10 часовъ вечера, Суворовъ былъ уже передъ Столовичами. Началась кровопролитная битва и поляки были совершенно разбиты.

Огинскій скрылся еще ночью. Весь его отрядъ разсѣялся, оставивъ половину своихъ на мѣстѣ сраженія. Число плѣнныхъ превышало число побѣдителей. Вся артиллерія Огинскаго (12 пушекъ), обозъ, военная казна, знамена и множество лошадей достались побѣдителямъ. Суворовъ потерялъ около ста человѣкъ убитыми, но освобожденные имъ русскіе плѣнные поступили на ихъ мѣсто.

Давъ отдохнуть своимъ храбрецамъ одинъ только часъ, Суворовъ возвратился въ Слонимъ и, оставивъ тамъ плѣнныхъ и раненыхъ подъ малымъ прикрытіемъ, пошелъ немедленно къ Пинску, гдѣ находилась свита Огинскаго и гдѣ собрались его приверженцы. Суворовъ разогналъ ихъ, принудилъ къ покорности и возвратился снова въ Люблинъ, успокоивъ Литву и лишивъ конфедератовъ послѣдней надежды къ возмущенію этой провинціи.

И поляки, и русскіе едва вѣрили этимъ неслыханнымъ подвигамъ! Только и разговоровъ было, что о Суворовѣ.

Суворовъ за самовольныя дѣйствія свои подвергся взысканію; генералъ Веймарнъ отнялъ у него команду и отдалъ его подъ военный судъ за ослушаніе.

Суворовъ сказалъ:

— «Судите и казните, а все таки Огинскаго пѣть и Литва спокойна! Я сдѣлалъ свое дѣло, дѣлайте свое!»

Екатерина Великая велѣла освободить Суворова отъ суда и отвѣтственности, и въ награду заслугъ, прислала ему орденъ святаго Александра Невскаго.

Послѣдній ударъ полякамъ нанесъ Суворовъ взятіемъ Кракова, сдавшагося въ 1772 году, въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Суворовъ уничтожилъ Барскую конфедерацію, и ему одному принадлежитъ вся честь и слава нашихъ удачныхъ дѣйствій въ Польшѣ, слѣдствіемъ которыхъ было присоединеніе къ Россіи ея древняго достоянія — Бѣлоруссіи.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ подвиговъ Суворова въ войнѣ съ барскими конфедератами. Опасаясь войны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III-мъ, Императрица Екатерина намѣревалась послать надежнаго и опытнаго человѣка осмотрѣть шведскія границы. Она выбрала Суворова и однажды на балѣ сказала ему, что онъ скоро будетъ ей нуженъ въ Финляндіи. Суворовъ возвратился домой и тотчасъ-же кликнулъ своего слугу Прохора, или Прошку, какъ онъ его называлъ.

Это былъ сынъ его стараго дядьки, Степана.

— «Кибитку починили?» спросилъ Суворовъ.

— «Починили, Александръ Васильевичъ,» отвѣчалъ Прохоръ.

— «Ну, такъ помоги мнѣ раздѣться.»

Александръ Васильевичъ торопливо снялъ съ себя парадное платье, которое онъ очень не жаловалъ; раздѣвшись, онъ вздохнулъ свободнѣе и потянулся.

— «Ну, теперь давай одѣваться,» сказалъ онъ.

Прохоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего господина.

— «Что-же ты стоишь,» вскричалъ Суворовъ, «помилуй Богъ, какъ ты глупъ! Развѣ ты не слыхалъ, что я тебѣ сказалъ!»

— «Слышалъ Александръ Васильевичъ,» отвѣчалъ Прохоръ, да только...»

— «Если слышалъ, такъ исполняй живѣй! Дорожное платье!»

Въ нѣсколько минутъ Суворовъ совсѣмъ уже былъ готовъ отправиться въ путь.

— «Не прикажите ли чего покушать, Александръ Васильевичъ,» спросилъ Прохоръ.

«Покушать?» повторилъ Суворовъ, «какъ же! Покушать бы не худо!»

— «Чего прикажите!»

— «Да неси мнѣ все, что есть».

— «Есть у насъ холодное изъ солонины съ квасомъ да съ хрѣномъ».

— «Не хочу».

— «Есть еще сырая кислая капуста съ квасомъ.»

— Капуста хорошее дѣло, да теперь не хочу.»

— «Рѣдька съ конопляным масломъ.»

— «Вотъ это славно!... Принеси же мнѣ рѣдички съ конопляным масломъ, да съ солью. Это русскому здорово, помилуй Богъ какъ здорово!» вскричалъ Александръ Васильевичъ. «А есть у тебя чай?»

— «Есть,» отвѣчалъ Прохоръ.

— «Ну, такъ сперва рѣдички, а потомъ чайку! Это помилуй Богъ какъ здорово!»

Полчаса спустя, Прохоръ также одѣлся въ дорожное платье и доложилъ:

— «Кибитка подана.»

Александръ Васильевичъ перекрестился, накинулъ шинель на плечи и пошелъ внизъ.

— «Куда прикажите ѣхать?» спросилъ Прохоръ, усадивъ Суворова въ простую, дорожную кибитку и садясь самъ на облучокъ.

— «Поѣзжай туда, гдѣ чухляндія живетъ!» сказалъ Александръ Васильевичъ.

Прохоръ уже такъ привыкъ къ своему господину, что тотчасъ же понялъ его приказаніе и, обратившись къ ямщику, скомандовалъ:

— «Поѣзжай по дорогѣ въ Выборгъ.»

Ямщикъ крикнулъ на коней и кибитка помчалась.

Прибывъ въ Выборгъ, Суворовъ написалъ къ Императрицѣ:

Всемилостивѣйшая Государыня!

«Я здѣсь и ожидаю Высочайшихъ Вашихъ повелѣній.»

Это было въ началѣ февраля 1773 года. Осмотрѣвъ Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ и составивъ на мѣстѣ планы всѣхъ новыхъ построекъ и исправленій, Суво-

ровъ отправился тайно на шведскую границу, чтобы подробно осмотрѣть ее. Потомъ донесъ онъ о всемъ Государынѣ, которая осталась чрезвычайно довольна расторопностію и распоряженіями Суворова.

Въ томъ-же году, по порученію главнокомандующаго русскими войсками на югѣ, графа Румянцева, Суворовъ отправился охранять и защищать крѣпость Гирсово, которая была завоевана у Турокъ и находилась за Дунаемъ. Не смотря на болѣзненное состояніе свое, Суворовъ поспѣшилъ въ Гирсово, довольный тѣмъ, что получилъ такое важное порученіе.

По прибытіи въ Гирсово, въ половинѣ августа, 1773 года, Суворовъ замѣтилъ, что крѣпость не была укрѣплена надлежащимъ порядкомъ, а потому распорядился укрѣпить ее двумя шанцами, съ глубокимъ рвомъ. Отрядъ Суворова состоялъ всего изъ 2,500 человѣкъ, тогда какъ визирь турецкій шелъ противъ него съ 11,000 Турокъ. Но это нисколько не обезпокоило Суворова, который умѣлъ побѣждать не силою, а искусствомъ. Хотя отрядъ Суворова былъ и малочисленъ, но Суворовъ былъ увѣренъ, что каждый русскій штыкъ, въ жаркомъ дѣлѣ, уберетъ и по десяти непріятелей, и потому не опасался ни мало. Вотъ и нагрянулъ на него визирь съ 11-ти тысячнымъ корпусомъ Турокъ. Приготовляясь отразить ихъ, Суворовъ не ложился спать всю ночъ и на разсвѣтѣ самъ обозрѣвалъ положеніе непріятеля, который всю ночь стоялъ на мѣстѣ. Суворовъ смѣялся, когда Турки, предводимые французскими офицерами, желая показать первый примѣръ правильнаго боя, начали строиться въ полѣ, имѣя янычаровъ и артиллерію въ

серединѣ, а спаговъ по бокамъ. «Варвары хотятъ биться строемъ! За то имъ худо будетъ»! сказалъ Суворовъ. Послѣ этого спрятавъ часть своей незначительной пѣхоты и конницы въ скрытыхъ мѣстахъ, онъ отдалъ приказъ отбиваться слабо, даже изъ перваго шанца бѣжать во второй, чтобы заманить непріятеля. Суворовъ хорошо зналъ какъ дѣйствуютъ Турки въ бою; они нападаютъ огромными силами и съ многочисленною конницею, при чемъ дѣлаютъ первый свой натискъ стремительно; но, отбитые въ первомъ ихъ натискѣ, Турки падаютъ духомъ и тогда одержать надъ ними окончательную побѣду не трудно. Зная это, Суворовъ распорядился какъ нельзя лучше, и когда Русскіе по приказанію побѣжали, то Турки полагая что Русскіе струсили, бросились съ отвагою на Русскихъ черезъ рогатки, которыми обыкновенно защищались отъ нихъ. Турецкіе всадники кинулись впередъ столь быстро, что Суворовъ и бывшіе при немъ, едва успѣли вскочить въ русскій шанецъ черезъ рогатки; въ тоже время наши встрѣтили Турокъ картечью, изъ скрытой батареи, отъ чего Турки совершенно разстроились.

— «Помилуй Богъ! какъ это хорошо! Коли ихъ, ребятушки»! сказалъ Суворовъ.

Тогда сверкнули могучіе русскіе штычки, и двѣ скрытыя колонны нашей пѣхоты ударили на непріятеля съ фланговъ; въ тоже время конница наша врубилась въ средину. Турки оробѣли, потерялись и обратились въ бѣгство. Наши погнались за ними и преслѣдовали ихъ верстъ на тридцать. Чтобы легче бѣжать, янычары сбрасывали съ себя одежду, и спаса-

лись полунагіе. Весь 11-ти-тысячный Турецкій корпусъ былъ разсѣянъ; болѣе 1000 человѣкъ пали убитыми на мѣстѣ битвы. Такъ-то достославно вышелъ Суворовъ изъ того положенія, которое, по всей справедливости, было весьма опасно!

Послѣ битвы при Гирсово, Суворову вслѣдъ было находиться при генералъ-маіорѣ князѣ Долгоруковѣ; но онъ, по болѣзни, просилъ увольненія и всю зиму прожилъ въ Кіевѣ. Вызванный оттуда въ дѣйствующую армію, по вниманію къ нему Императрицы, пожаловавшей его въ генералъ-поручики, онъ рѣшился подать фельдмаршалу свое мнѣніе о походѣ за Дунай. Отвѣтомъ на это былъ приказъ:—«присоединиться къ корпусу генералъ-поручика Каменскаго и состоять при немъ для исполненія его порученій, какъ генерала старшаго по чину, хотя только однимъ годомъ». Александръ Васильевичъ немедленно направился къ мѣсту новаго своего назначенія.

Едва присоединился Суворовъ съ своимъ отрядомъ къ Каменскому, какъ получено было извѣстіе, что за густымъ Деліорманскимъ лѣсомъ, при селеніи Козлуджи, находится 40.000 Турокъ, которые идутъ на Гирсово. Это было весной 1774 года. Еще не успѣлъ Суворовъ стать лагеремъ и отдохнуть, когда изъ лѣса показались толпы арнаутовъ. Каменскій послалъ противъ нихъ свою конницу, но арнауты отбили ее, и русскіе обратились въ бѣгство. Въ это время Суворовъ, подоспѣвшій съ своею пѣхотою, успѣлъ однакожъ удержать Турокъ, но натискъ ихъ былъ столь силенъ, что и здѣсь наши уступили и побѣжали. Турки погнались за ними. Вихремъ мчался отъ нихъ

и Суворовъ, чтобы скорѣе соединиться съ тремя своими батальонами, которые были назади. Турецкіе всадники летѣли по слѣдамъ его. Вотъ-вотъ догонятъ; они уже были чуть не на ружейный выстрѣлъ отъ Суворова. Но быстрота бѣга лошади спасла его. Прискакавъ къ своимъ, Суворовъ быстро построилъ ихъ въ каре, и открылъ столь сильный и мѣткій огонь, что непріятель долженъ былъ бѣжать въ лѣсъ, не смѣя и думать о нападеніи на эту каменную стѣну. Генералъ-поручикъ Каменскій довольствовался такимъ отраженіемъ Турокъ, но для Суворова этого было недостаточно: онъ рѣшилъ уже овладѣть турецкимъ лагеремъ, и съ горстью русскихъ смѣло двинулся лѣсомъ противъ 40-тысячнаго турецкаго корпуса. Жаръ былъ нестерпимый; многіе солдаты пали въ изнеможеніи; дорога, пролегавшая лѣсомъ, была до того узка, что едва четверо могли идти рядомъ, а идти нужно было семь верстъ. Вотъ вышли на долину, по которой нужно было пройти еще шесть верстъ до мѣстечка; тутъ встрѣтили ихъ огнемъ, открытымъ съ турецкихъ батарей. Наши стремительно бросились на батареи и овладѣли ими. Тогда выступило противъ нихъ отборное турецкое войско, состоявшее изъ янычаръ и спаговъ; но дружный ударъ въ штыки опрокинулъ Турокъ. Такимъ образомъ дошли до самаго лагеря, и, въ мигъ, овладѣвъ ближайшими высотами, открыли по лагерю смертоносный огонь. Пальба эта произвела страшное смятеніе въ турецкомъ лагерѣ. Турки, не вѣря, что Суворовъ осмѣлился съ своимъ малочисленнымъ войскомъ напасть на ихъ сорока-тысячную армію, — полагали, что къ Русскимъ пришло сильное подкрѣпленіе, начали

спасаться бѣгствомъ. Въ замѣшательствѣ и страхѣ, они дрались между собою. Пѣшіе убивали конныхъ, чтобъ достать лошадей; артиллеристы бросали орудія и спасались на упряжныхъ лошадяхъ.

Напрасно начальствующій Турецкимъ корпусомъ убѣждалъ, останавливалъ Турокъ; всѣ въ безпорядкѣ предались бѣгству; неслись цѣлыя тучи непріятельской пѣхоты и конницы, гонимыя однимъ только страхомъ! Такъ-то страшны были Туркамъ Суворовскіе солдаты! Сорокъ пушекъ, восемьдесятъ знаменъ и весь обозъ достались побѣдителямъ!

IV.

Побѣды Суворова.

Бунтъ Емельяна Пугачева.—Присоединеніе Крыма къ русскимъ владѣніямъ.—Вторая турецкая война. — Битва при Кинбурнѣ. — Письмо Суворова къ дочери.—Суворовъ въ битвѣ подъ Очаковымъ. — Сраженіе при Фокшанахъ.—Битва при Рымникѣ.—Взятіе Измаила.—Возстаніе въ Польшѣ. — Прибытіе къ арміи графа Суворова. — Битва при Брестъ-Литовскѣ — Штурмъ Праги.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву.—Суворовъ Фельдмаршалъ.

Въ 1771 году по р. Волгѣ появился донской казакъ Емельянъ Пугачевъ и возбуждалъ весь Приволжскій край къ возмущенію противъ Правительства. Когда нѣкоторые казаки положили выдать его Правительству, то Пугачевъ ушелъ на время въ Польшу, но потомъ снова вернулся на рѣку Яикъ, нынѣшній Уралъ. Долго скрывался тамъ Пугачевъ по дворамъ яицкихъ казаковъ, нанимаясь въ работники, то къ

одному хозяину, то къ другому, и принимался за всякія ремесла. Онъ былъ дерзокъ на словахъ и часто подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана, увѣряя, что тамъ имъ будетъ лучше.

За эти подговоры онъ былъ схваченъ, какъ возмутитель, и отосланъ подъ караулъ въ Казань, гдѣ содержался въ тюрьмѣ, пока надъ нимъ производили слѣдствіе. За три дня до рѣшенія суда, онъ ходилъ по городу, подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ для собиранія милостыни. Въ одной изъ главныхъ казанскихъ улицъ стояла готовая тройка Пугачева, подойдя къ ней, онъ вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ, другой помогъ ему сѣсть въ кибитку и, вмѣстѣ съ нимъ, ускакалъ изъ города.

Это случилось 19 іюня 1773 года.

Въ сентябрѣ того же года Пугачевъ снова появился между яицкими казаками съ толпою бродягъ, и сталъ выдавать себя за Императора Петра III.

Противъ него былъ посланъ отрядъ, который не могъ однако-же, по своей малочисленности, уничтожить шайку Пугачева.

Надобно было, наконецъ, принять рѣшительныя мѣры, и Императрица поручила укрощеніе опаснаго бунта графу Панину, который просилъ назначить ему помощникомъ Суворова.

Суворовъ немедленно сталъ преслѣдовать разбойниковъ съ такою неутомимостью, что разбойники, не видя себѣ спасенія, рѣшились наконецъ выдать своего начальника Правительству. Пугачева связаннаго привезли въ Яицкій городъ и генералъ-поручику Суворову было поручено препроводить самозванца въ Москву на

телѣгѣ, сдѣланной на подобіе желѣзной клѣтки. Пугачевъ не избѣгнулъ заслуженнаго наказанія: 10 января 1775 года онъ былъ казненъ въ Москвѣ.

Поимка Емеліана Пугачева.

Въ слѣдствіе мира съ Турками, заключеннаго въ мѣстечкѣ Кучукъ-Кайнарджи (1774 г.), Крымскіе Татары, до того времени подвластные Турецкому султану, были объявленны независимыми. Вскорѣ послѣ того безпорядки въ Крыму и неудовольствіе Нагайцевъ на ихъ хана Шагинъ-Гирея, выпудили Русскихъ присоединить окончательно Крымъ къ русскимъ владѣніямъ. Это важное дѣло поручено было Суворову.

Зимою 1782 года начались переговоры съ Шагинъ-

Гиресмъ, его царедворцами и мурзами. Имъ предложено было добровольно покориться Россіи. Хану предоставлено было жить, гдѣ онъ пожелаетъ: въ Россіи или въ Турціи. Императрица Екатерина назначила ему 20,000 р. жалованья.

Для торжественнаго объявленія Ногайцамъ ханской воли, Суворовъ назначилъ городокъ Ейскъ, на берегу Азовскаго моря. Къ назначенному времени съѣхались туда 3,000 Ногайцевъ. Суворовъ объявилъ имъ условія, по которымъ Шагинъ-Гирей слагалъ съ себя званіе хана и передавалъ Императрицѣ Екатеринѣ власть надъ всѣми татарскими ордами. Нѣкоторые изъ преданныхъ Суворову Ногайцевъ успѣли заранѣе убѣдить своихъ товарищей не противиться волѣ ханской, и послѣ заявленія Ногайцами покорности, пиръ въ степи заключилъ переговоры. Суворовъ назначилъ Ногайцамъ снова съѣхаться въ Ейскъ къ 28 іюня, чтобы выслушать отреченіе Шагинъ-Гирея и присягнуть въ вѣрности Русской Императрицѣ.

Въ назначенный день вся степь вокругъ Ейска покрылась ногайскими кибитками. Суворовъ придалъ сколько можно болѣе торжественности этому празднику. Русское войско стояло подъ ружьемъ; послѣ обѣдни, въ походной полковой церкви, Суворовъ съ своимъ штабомъ вышелъ къ ногайскимъ предводителямъ. Торжественно прочитанъ былъ манифестъ Шагапъ-Гирея объ отреченіи его отъ званія хана, и затѣмъ всѣ Ногайцы были приведены къ присягѣ на вѣрность. Многимъ мурзамъ пожалованы были чины штабъ и оберъ-офицеровъ русской службы.

Начался пиръ. Сто воловъ и 800 барановъ были

СУВОРОВЪ ВО ДВОРЦѢ КРЫМСКАГО ХАНА.

сварены и изжарены для угощенія Ногайцевъ. Болѣе 6,000 Ногайцевъ пировали въ этотъ день въ степи, на разосланныхъ коврахъ. Суворовъ и русскіе офицеры сами угощали своихъ гостей. Пиръ заключился конскими скачками.

Такъ-то дѣятельностію и распорядительностію Суворова была присоединена къ русскимъ владѣніямъ новая, богатая область Таврида (Крымъ).

Императрица Екатерина наградила труды Суворова орденомъ св. Владиміра 1-й степени, и препроводила къ нему въ Крымъ награду при особомъ, милостивомъ рескриптѣ.

Находясь въ Крыму, Суворовъ изучилъ Татарскій языкъ, такъ что могъ свободно говорить по-Татарски. Дабы расположить къ себѣ татаръ и тѣмъ пріобрѣсти на нихъ большее вліяніе, Суворовъ большую часть времени проводилъ въ бесѣдахъ съ мурзами, онъ забавлялъ ихъ своими шутками, дарилъ ихъ разными подарками, дѣлалъ для нихъ угощенія. Неохотникъ до пировъ, Суворовъ, когда находилъ нужнымъ, то пировалъ самъ съ ними въ раззолоченныхъ дворцахъ и въ розовыхъ садахъ; у Суворова все дѣлалось кстати: онъ зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и какъ нужно дѣйствовать. И скоро мурзы такъ полюбили Суворова, что безъ него имъ было скучно: они оцѣнили его простое, ласковое, дружеское обращеніе, которымъ онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ; но въ тоже время мурзы и боялись его. Словомъ Суворовъ такъ устроилъ все дѣло, что самовластно управлялъ Крымомъ и ни чѣмъ не возбудилъ противъ себя ропота Татаръ.

Суворовъ во время пребыванія своего въ Крыму

осматривалъ расположенныя тамъ войска и посѣщалъ нѣкоторые города и мѣстечки. Смотръ войскамъ въ Симферополѣ Суворовъ дѣлалъ на открытой незаселенной равнинѣ; онъ командовалъ черезъ полковыхъ адъютантовъ. Одного адъютанта Суворовъ послалъ съ приказаніемъ на другой флангъ; лошадь подъ адъютантомъ чего-то испугалась и понесла его прямо къ обрывамъ каменной горы, вписящей саженей на двадцать и болѣе надъ р. Салгиромъ. Увидя передъ собою пропасть, лошадь бросилась въ сторону и сшибла сѣдока, который такъ сильно ударился при паденіи, что былъ безъ чувствъ.—Видя все это, Суворовъ, въ сопровожденіи всей свиты, прискакалъ къ нему и принялъ самое горячее участіе. «Помилуй Богъ, какъ это нехорошо! Надо помочь ему!» сказалъ Суворовъ и, послалъ за лекарями; при себѣ велѣлъ пустить ему кровь изъ обѣихъ рукъ, а когда больной пришелъ въ чувство, то отправилъ его въ больницу, приказавъ имѣть о немъ особенное попеченіе.

Находясь въ Бахчисараѣ, Суворовъ получилъ между прочимъ донесеніе, что одинъ цыганъ содержится въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивой турецкой серебряной монеты. Онъ потребовалъ цыгана къ себѣ, самъ допрашивалъ его и когда изъ словъ виновнаго и прочихъ обстоятельствъ дѣла узналъ, что у цыгана штемпеля не было, а что онъ сдѣлалъ всего только два *гозлука* съ руки, простымъ ножемъ, и просидѣлъ за этой работой около двухъ недѣль, то велѣлъ его выпустить изъ жалости, «что онъ такъ медленно и такъ плохо заработываетъ себѣ хлѣбъ».

«Совѣтую тебѣ, мой другъ», добавилъ при этомъ

Суворовъ, «выбрать другое мастерство, по выгодиѣе и по полезнѣе, за дѣланіе денегъ не приниматься—а не то плохо будетъ». Цыганъ, сознавая вину свою, благодарилъ Суворова, цѣлуя его руки и кланяясь въ ноги.

Возвращаясь изъ Чатырь-дага, Суворовъ заѣхалъ къ одному помѣщику, мурзѣ Батырь-Агѣ Крымтаеву. Это было зимой. Батырь-Ага сдѣлалъ всѣ возможныя приготовленія, чтобъ достойно принять высокаго гостя. Не смотря на всѣ приглашенія, Суворовъ отказался и отъ кушаньевъ, приготовленныхъ для него въ изобиліи, съ азіатскою роскошью, и отъ теплой комнаты; а просилъ отвести ему комнату холодную и принести соломы для постели. Не обращая вниманія на стоявшій на дворѣ холодъ, Суворовъ потребовалъ воды изъ рѣки и окатился ею; потомъ легъ на приготовленную на полу постель изъ соломы, покрытую только простынею и тепло укутался. Пролежавъ съ полчаса времени, онъ всталъ, говоря, что хорошо согрѣлся, даже вспотѣлъ, и потребовалъ простаго хлѣба, соли и рѣдьки; въ этомъ и состоялъ весь его ужинъ; а у хозяина просилъ извиненія, что не могъ ѣсть приготовленныхъ для него кушаньевъ, потому что не привыкъ къ нимъ.

Въ Симферополѣ приготовленъ былъ также для Суворова богатый обѣдъ; но онъ не дотронулся ни до одного блюда, а отрѣзалъ только ломоть чернаго хлѣба во всю ковригу, намазалъ его масломъ и съѣлъ.

Такую-то суровую пищу любилъ Суворовъ.

Вскорѣ по замиреніи Ногайскихъ татаръ, возстали отдаленныя кочевья ихъ за кубанью. Тогда Суворовъ пошелъ съ войскомъ за Кубань. Труденъ былъ этотъ

походъ: переходили въ бродъ рѣки, неся на плечахъ патронные и пороховые ящики, и перекатывая пушки по дну рѣкъ; переправлялись черезъ болота, настилая мостки изъ камышей и дерна; шли степью по почамъ, и уже совершили нѣсколько сотъ верстъ; терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, такъ-что къ послѣднему дню продовольственныхъ запасовъ вовсе не было. Но гдѣ Суворовъ, тамъ и Суворовцы, а гдѣ Суворовцы, тамъ все ниппочемъ. Наши вездѣ поражали погайцевъ, и кочевья ихъ разсѣявались отъ перваго появленія русскихъ, какъ пыль отъ сильнаго вѣтра. Мятежники должны были смириться: они явились къ Суворову и подтвердили свою покорность Россіи.

Въ 1787 году началась война Россіи съ Турціею. Суворову поручено было охранять черноморскіе берега, Чтобы лучше наблюдать за Турками, Суворовъ переѣхалъ въ крѣпость Кинбурнъ, и укрѣпившись въ ней, ожидалъ начала непріязненныхъ дѣйствій Турокъ.

Вскорѣ турецкій флотъ явился подъ Кинбурномъ и началъ бомбардировать его. Но Русскіе отвѣчали непріятелю такъ ловко, что одинъ корабль непріятельскій взлетѣлъ на воздухъ, а другіе вынуждены были отойти, значительно поврежденные. Тогда Турки рѣшились взять Кинбурнъ приступомъ, и для этого стали высаживаться на берегъ и строить укрѣпленія. Поставленные на-сторожѣ Донскіе казаки, дали знать объ этомъ Суворову. Александръ Васильевичъ находился въ это время въ церкви; онъ спокойно выслушалъ извѣстіе и остался въ церкви слушать литургію; онъ не тронулся съ мѣста до окончанія служ-

бы, и потомъ приказалъ отслужить молебенъ на побѣду враговъ и одолѣніе.

По выходѣ изъ церкви, Суворовъ приказалъ полковнику Ніоти съ полкомъ своимъ засѣсть въ камыши и ждать его команды, а самъ пошелъ впередъ съ пѣхотнымъ полкомъ, вызывая тѣмъ Турокъ на бой. Турки двинулись Суворову на встрѣчу: ихъ было до 6,000 человѣкъ. Суворовъ съ своимъ незначительнымъ отрядомъ, какъ бы испугавшись многочисленности Турокъ, сталъ подаваться назадъ. Ободренные отступленіемъ отряда, Турки съ воплями бросились преслѣдовать Суворова и зашли далеко отъ берега. Ніоти, вслѣдствіе распоряженія Суворова, пропустивъ непріятеля, выскочилъ изъ засады и ударилъ съ тылу на Турокъ. Въ тоже время пѣхота Суворова, оборотившись, мгновенно пошла въ штыки. Турки не выдержали дружнаго удара Русскихъ, и побѣжали къ берегу, но не найдя тамъ своихъ лодокъ, — которые по приказанію паши отчалили отъ берега съ цѣлію заставить Турокъ сражаться отчаянно,—они съ дикимъ воплемъ «аллахъ!» снова бросились на русскую пѣхоту. Долго стояли 1,000 суворовскихъ гренадеръ противъ сабель и кинжаловъ Турокъ; но наконецъ дрогнули. Тогда самъ Суворовъ бросился впередъ и закричалъ: «Ребята! за мной!» но въ это время лошадь подъ нимъ была убита ядромъ въ морду; она упала, а съ ней упалъ и Суворовъ. Замѣтивъ это Турки налетѣли на него, и уже кинжалъ Турка сверкнулъ надъ головой Суворова. «Братцы! спасайте генерала!» вскричали солдаты, бросившись защищать его, и мушкетеръ *Новиковъ* ловкимъ ударомъ штыка прокололъ дерзкаго Турка, — Суворовъ

былъ спасенъ. Послѣ большихъ усилій, Турки были сбиты вторично, но, въ скоромъ времени, вернулись чопять и еще съ большею запальчивостью бросились

на горсть Русскихъ. Многіе окружавшіе Суворова были уже убиты или ранены. Самъ онъ получилъ рану въ лѣвую руку и, истекая кровью, принужденъ былъ удалиться въ крѣпость. Казачій урядникъ *Кутейниковъ* обмылъ его рану морской водой и перевязалъ ее платкомъ.

— Помилуй Богъ, помогло! благодарю, помогло, тотчасъ помогло!... сказалъ Суворовъ, и, перекрестивъ

рубашку, надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на рану и полетѣлъ въ битву. Тамъ дѣло дошло уже до рукопашнаго боя. Нашимъ приходилось плохо: многочисленность брала перевѣсъ надъ храбростью, и къ тому же Русскіе до того перемѣшались съ Турками, что не возможно было стрѣлять съ крѣпости; но неожиданно къ русскимъ подоспѣло значительное подкрѣпленіе изъ Херсона и непріятель обратился въ бѣгство. Изъ 6,000 Турокъ едва спаслось 700 человѣкъ.

«Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ»! писалъ Потемкинъ кинбурнскому герою: «да возстановитъ Богъ твое здоровье для общихъ трудовъ»! Эту побѣду Суворова праздновали въ Петербургѣ. «Старикъ поставилъ насъ на колѣни; жаль только, что его ранили», говорила Императрица Екатерина, и въ собственноручномъ письмѣ изъявила Суворову благодарность, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Для награды же отличившихся офицеровъ и солдатъ, Императрица прислала Суворову множество орденовъ и знаковъ отличій. Суворовъ положилъ ихъ въ мѣшокъ, и вышелъ къ войску, неся мѣшокъ на плечахъ и крича:

— Ахъ! помилуй Богъ! какъ тяжела ноша. Такъ-то и намъ тяжело было.

Подходя къ отличившимся, Суворовъ раздавалъ ордена и говорилъ:

— Нѣтъ, легко бремя, когда матушка государыня насъ, дѣтей своихъ, такъ милуетъ и лелѣетъ!

Суворовъ, обрадованный побѣдою и милостями государыни къ нему, вотъ какъ писалъ о Кинбурнской битвѣ къ дочери своей, учившейся тогда въ Смоль-

номъ институтѣ, въ Петербургѣ: «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ дружку за уши деретe. И какъ мы танцовали: въ боку картечь, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало! То-то была комедія — насилу черезъ восемь часовъ съ театра отпустили. Я только что воротился—проѣздилъ 500 верстъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики; на поляхъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, да осетры — пропасть! Прости, мой другъ, Наташа! Знаешь-ли, что матушка-государыня пожаловала мнѣ Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность».

Такъ шутливо разсказывалъ Суворовъ десяти-лѣтней дочери о своей побѣдѣ!

Въ слѣдующемъ 1788 году, Русскія войска, подъ начальствомъ князя Потемкина, стояли подъ Очаковымъ. Іюля 27, Турки сдѣлали сильную вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ находился Суворовъ. Для отраженія нападенія гренадеры наши дружно ударили въ штыки; завязалась жестокая битва, и Суворовъ самъ вводилъ войска въ бой. Во время одной жаркой схватки, онъ былъ раненъ пулею, которая прошла сквозь шею и остановилась у него въ затылкѣ. Захвативъ рану рукою и сдавъ команду Бибикову, Суворовъ поскакалъ къ своей палаткѣ, гдѣ ему и была вынута пуля. Послѣ операціи Суворовъ впалъ въ безпамятство; рана воспалилась, страдалецъ едва могъ дышать, такъ что, предвидя скорую смерть, пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться св. Таинъ.

Черезъ нѣсколько дней Суворовъ почувствовалъ облегченіе, рана начала заживать, и Суворовъ былъ не-

ревезенъ въ крѣпость Кинбурнъ. Тамъ снова сдѣлали ему операцію, очистили рану, и Суворовъ началъ поправляться, какъ новый несчастный случай усилилъ еще болѣе его страданія. По близости квартиры его загорѣлся пороховой магазинъ. Взорванная бомба разбила часть стѣны той комнаты, въ которой лежалъ больной, и тяжело ранила его. Осыпанный обломками, весь израненный, со знаками на лицѣ, на груди, на колѣняхъ и на локтѣ, онъ къ счастію успѣлъ выскочить въ сѣни, но кровь лилась ручьемъ, и зажившая рана раскрылась!

Не смотря однакожъ на эти несчастія, Всевышній сохранилъ Суворова и на этотъ разъ. Страдая отъ ранъ, Суворовъ только и находилъ для себя утѣшеніе въ перепискѣ съ своею дочерью. Суворовъ писалъ къ ней: «Ты меня такъ утѣшила письмомъ, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слогу учитъ? Боюсь, меня перещеголяешь! Ай, Суворочка! Сколько у насъ салата, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, цвѣтовъ! Волны бьютъ въ берега, какъ изъ пушекъ, и слышно, какъ въ Очаковѣ собаки лаютъ и пѣтухи поютъ. Посмотрѣлъ-бы на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи незабудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности! Голубушка Суворочка! цѣлую тебя! Радъ говорить съ тобой о герояхъ, — научи имъ послѣдовать. А какой по ночамъ въ Очаковѣ вой: собаки лаютъ волками, коровы охаютъ, волки блеютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ—она далеко въ море ушла. Гуляю по ней и слушаю, какъ Турки говорятъ на своихъ лодкахъ, и вижу, какъ они курятъ трубки. А лодки у нихъ такія большія—съ вашъ Смольный,

паруса съ версту, и на иной лодкѣ флаговъ больше, чѣмъ у васъ въ Смольномъ мухъ, и желтенькіе, краснепькіе, и сѣренькіе, и зеленепькіе, да и ружья-то у Турокъ большія».

По выздоровленіи Суворовъ отправился въ Петербургъ, куда онъ вызванъ былъ Императрицею для личныхъ порученій. Проѣзжая чрезъ Малороссію, Александръ Васильевичъ, не доѣжая города Погора, остановился въ одномъ селеніи для перемѣны лошадей. Это случилось въ день Архистратига Михаила. Въ селеніи былъ праздникъ, и потому неудивительно, что къ вечеру всѣ крестьяне порядочно подпили. Суворовъ, пріѣхавшій подъ именемъ своего адъютанта, требовалъ лошадей, но подгулявшіе мужики не торопились запрягать лошадей, а только распѣвали пѣсни, да пьянствовали. Недовольный медленностію, Суворовъ, послалъ своего адъютанта, подполковника Куриса, сыскать сельскаго старосту, а самъ остался у сборной избы, при повозкѣ. Тутъ подошелъ къ нему, жившій въ томъ селеніи, не богатый, малороссійскій дворянинъ, отставной, гусарскихъ полковъ корнетъ.

— Богъ помочь, старинушка! сказалъ онъ графу.

— Спаси тебя Богъ, добрый человѣкъ! отвѣчалъ Суворовъ.

— Кто это ѣдетъ, старинушка? спросилъ корнетъ.

— Передовой, графа Суворова адъютантъ.

— А гдѣ же онъ?

— Пошелъ искать старосту, добывать лошадей.

— Да здѣсь, старинушка, всѣ мужики пьяницы; у нихъ не скоро толку добьешься, да къ тому же у нихъ сегодня праздникъ, такъ и пуще пьютъ... Ты,

видно, старинушка, находишься при адъютантѣ изъ служивыхъ?

— Изъ служивыхъ, добрый человѣкъ.

— А котораго полка и кѣмъ служишь? спросилъ довѣрчиво корнетъ.

— Финляндскаго гренадерскаго полка сержантомъ, отвѣчалъ графъ Суворовъ.

— Какой же ты старенькій, сказалъ корнетъ:—и въ какую дальную дорогу ѣдешь! Вѣдь тебѣ худо сидѣть на козлахъ-то.

Суворовъ возразилъ, что его командиръ человѣкъ добрый и часто сажаетъ его съ собой въ кибитку.

Корнетъ, полюбя графа, сказалъ ему:

— Старичокъ любезный, служивый! Лошадей вамъ не скоро еще приведутъ, а мнѣ, право, жаль смотрѣть на тебя, старинушка, что ты стоишь на открытомъ воздухѣ при такой дурной погодѣ; видишь какая мгла и ненастье, пожалуй лучше ко мнѣ обогрѣться; я живу близко отсюда.

Суворовъ, поблагодаривъ за предложеніе, отвѣчалъ, что онъ безъ командира не смѣетъ отлучиться отъ повозки.

— Правда твоя, старинушка, сказалъ корнетъ,—я самъ служилъ болѣе сорока лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета. Вѣрно и ты старинушка, служишь довольно?

Суворовъ отвѣчалъ, что онъ служитъ уже болѣе тридцати лѣтъ.

— Смотри пожалуй! говорилъ корнетъ.—А изъ какихъ ты отданъ любезный служивый.

— Изъ однодворцевъ, Курской губерніи, Обоян-

скаго уѣзда, откуда и командиръ мой, отвѣчалъ Суворовъ.

— Знаю, знаю, сказалъ корнетъ:—я тамъ стоялъ съ полкомъ, назадъ тому лѣтъ съ тридцать.

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ адъютанта, г. Куриса. Указавъ на него, Суворовъ сказалъ корнету:

— Вотъ и командиръ мой!

Курисъ подошелъ къ повозкѣ, а графъ, снявъ фуражку, спросилъ его:

— Что ваше высокоблагородіе, изволили-ль отыскать старосту?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Курисъ; нашелъ десятника да и тотъ пьянъ, во всемъ селѣ нѣтъ ни одной души трезвой, такъ что и толку не найдешь.

Тогда старый корнетъ, снявъ шапку, сказалъ Курису:

— Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, ко мнѣ въ домъ; я живу отсюда недалеко. Вы у меня обогрѣетесь, и старичекъ почтенный (корнетъ указалъ на графа), сами изволите видѣть, весь перезябъ. Въ это же время, какъ побудите у меня, сгонятъ вамъ и лошадей.

— По мнѣ, какъ онъ хочетъ! сказалъ Курисъ, указывая на графа, съ моей стороны, пожалуй, зайдемъ.

— Почему-жъ не такъ? промолвилъ графъ: когда добрый человѣкъ приглашаетъ. Лучше у него погрѣться, чѣмъ понапрасну дрогнуть, стоя на дождѣ, плеть обуха не перешибетъ!

Г. Курисъ сказалъ, что онъ нашелъ пьянаго десятника, котораго, постращавъ, послалъ собирать лоша-

дей, а потому, можетъ быть, лошади и скоро будутъ. Корнетъ, желая имѣть у себя такихъ гостей, а особливо заслуженнаго старичка (то есть графа Суворова), котораго онъ полюбилъ душевно, сказалъ Курису:

— Ваше высокоблагородіе, мы скажемъ въ сборной избѣ сторожу, чтобъ онъ, когда лошади будутъ готовы, прислалъ ихъ къ моему дому. Извощику, который васъ сюда привезъ, велимъ караулить повозку, а лошадей его, до привода другихъ, не будемъ отпускать: тогда онъ самъ будетъ стараться для себя, чтобы собратъ скорѣе лошадей. Графъ и Курисъ согласились на это предложеніе и пошли въ домъ корнета, который, приведя ихъ къ себѣ, просилъ г. Куриса садиться, а графа, раздѣвая, усаживалъ на печь, говоря:

— Сядь, сядь, служивый! обогрѣйся: его высокоблагородіе не прогнѣвается на тебя старинушка.

— Для меня, пожалуй, какъ ему угодно! говорилъ Курисъ.

— Видишь, какой у тебя добрый командиръ, продолжалъ корнетъ, усаживая Суворова.

Посадивъ его на печь, корнетъ и самъ усѣлся около него и сказалъ женѣ своей:

— Старуха, дай-ка намъ, старичкамъ, чего-нибудь выпить.

Хозяйка подала имъ на печь бутылку наливки, да домашней закуски. Корнетъ, наливъ рюмку, подчивалъ Суворова, говоря:

— Выпей-ка, любезный старичекъ и закуси, да лягъ погрѣйся.

Корнетъ и Суворовъ, сидя на печи, выпили по три рюмки. Послѣ того корнетъ сказалъ своей женѣ:

— Хозяйка, изготовь-ка ты, чѣмъ Богъ послалъ, для дорогихъ гостей поужинать.

Добродушная старушка рада была такимъ гостямъ, она тотчасъ побѣжала въ курятникъ, сняла съ насѣста двухъ куръ, сварила одну въ борщѣ со свинымъ саломъ, а другую изжарила; сверхъ того сварила яицъ въ смятку, сдѣлала яичницу, да кашу молочную, и все это поставила на столъ. Корнетъ, обратясь къ Курису, просилъ и его покушать.

— Да не позволите-ли, ваше высокоблагородіе, добавилъ онъ, сѣсть тутъ-же и сержанту?

— Пожалуй, какъ тебѣ угодно, отвѣчалъ Курисъ.

Хозяинъ свелъ съ печи подъ руку графа Суворова и посадилъ его за столъ подлѣ себя, подчивалъ со всѣмъ усердіемъ. Однимъ словомъ, два старика угостились препорядочно. Имъ прислуживали у стола два сына корнета; старшему было 14, а меньшему 12 лѣтъ. Суворовъ спросилъ, чьи это мальчики?

— Дѣтки мои, дорогой служивый, отвѣчалъ корнетъ.

— А для чего же ты не записываешь ихъ въ службу? спросилъ Суворовъ.

— И батюшка, служивый! отвѣчалъ корнетъ: — чтобъ записать ихъ въ полевые полки, такъ они еще молоды, да и знакомаго-то у меня нѣтъ, кто бы мнѣ постарался объ нихъ. Сверхъ того, хоть бы ихъ и приняли, то они должны будутъ прослужить до офицерскаго чина лѣтъ двадцать. А записать ихъ въ гвардію, хотя я и могъ бы, потому что я природный дворянинъ, но состояніе мое не позволяетъ не только содержать ихъ тамъ, но и довести до Петербурга пе-

чѣмъ. Такъ пускай-же они подрастутъ, а тогда какъ Богъ опредѣлитъ: Его святая воля надъ ними! У насъ со старухой все-то и богатство въ нихъ.

Суворовъ, выслушавъ эти слова, обратился къ Курису и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе потрудитесь записать добраго этого человѣка и его дѣтей: авось я, при удобномъ случаѣ, доложу объ нихъ графу Суворову; не сдѣлаетъ-ли онъ имъ для меня какой милости.

Курисъ, записалъ въ памятную книжку городъ, уѣздъ, селеніе, имя и фамилію корнета съ дѣтьми. Корнетъ же, по простотѣ своей, не догадываясь, какъ можетъ сержантъ приказывать своему командиру записывать, продолжалъ принимать Суворова за сержанта и говорилъ:

— И батюшка, служивый, гдѣ тому статься, чтобъ такой великій человѣкъ, какъ графъ Суворовъ, сдѣлалъ что-нибудь для насъ бѣдныхъ людей!

— Неправда! возразилъ Суворовъ:—его сіятельство человѣкъ добрый и меня любитъ; я часто разговариваю съ нимъ и шучу; онъ ко мнѣ милостивъ, потому что я служу при немъ лѣтъ съ тридцать и нахожусь при его конюшнѣ. Онъ давно уже хотѣлъ произвесть меня въ офицеры, но я самъ того не хочу, для того, что отъ фронтовой службы отвыкъ. Но я увѣренъ, что графъ, при отставкѣ моей, непремѣнно представитъ меня въ офицеры, и я буду за то благодаренъ ему по смерть свою. При всемъ томъ долженъ признаться, что не безъ тягости мнѣ будетъ офицерское званіе: грамотѣ я не умѣю, родственники всѣ померли, и у меня нѣтъ никакого пристанища, и такъ рѣшился, покуда

Богъ дастъ здоровье графу, оставаться при немъ. Если же я умру прежде его, то онъ, по милости своей, не оставитъ похоронить меня.

Корнетъ, выслушавъ это со вниманіемъ, сказалъ:

— Правда, и мы слышали о графѣ, что онъ добрый человѣкъ.

Въ это время, когда корнетъ продолжалъ угощать графа, сколько могъ, привели лошадей, запрягли въ повозку, и графъ, поблагодаривъ корнета и жену за угощенье, неузнанный никѣмъ, поѣхалъ съ своимъ адъютантомъ въ дальнѣйшій путь.

Корнетъ остался въ томъ убѣжденіи, что у него былъ проѣзжающій офицеръ съ сержантомъ, а чтобъ этотъ сержантъ былъ графъ Суворовъ, ему и на мысль не пришло.

Суворовъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, доложилъ объ этомъ забавномъ случаѣ Императрицѣ и записалъ обоихъ сыновей корнета, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ сержантами. Онъ послалъ въ Погорскій нижній земскій судъ два паспорта, на имена сыновей корнета, съ тѣмъ, чтобъ черезъ мѣсяцъ явились они въ Молдавію, въ мѣстечко Галацы, въ главную квартиру графа Суворова. На дорогу прислано имъ, вмѣстѣ съ парспортами денегъ двѣ тысячи рублей. Когда въ Погорѣ получены были эти паспорты и деньги, то весь городъ удивлялся; всѣ знали, что корнетъ человѣкъ бѣдный и не имѣетъ никого изъ такихъ знакомыхъ, которые могли бы исходатайствовать ему столь великое счастіе. Капитанъ-исправникъ прискакалъ самъ къ корнету въ селеніе, съ паспортами и деньгами. Изумлены и обрадованы были корнетъ и жена его; имъ ка-

залось чудомъ, что сыновья ихъ гвардіи сержанты, и что сверхъ того прислана еще такая значительния сумма, какой они отъ роду не только не имѣли, но и не видали. Исправникъ разспрашивалъ корнета: не имѣетъ-ли онъ какого нибудь знакомаго изъ знаменитыхъ дворянъ и не просилъ ли кого? Корнетъ увѣрялъ, что никого не знаетъ. Наконецъ старухѣ пришло на память, что былъ у нихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, проѣздомъ, старичекъ, сержантъ, который находился у графа Суворова при копюшнѣ, и что бывшій съ нимъ командиръ его записалъ ихъ имена и дѣтей ихъ въ памятную книжку. Исправникъ, распросивъ, каковъ былъ этотъ старичекъ, догадался, что это былъ самъ графъ Суворовъ, въ чемъ еще болѣе увѣрился, когда вспомнилъ, что графъ дѣйствительно въ ноябрѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ чрезъ ввѣренный ему уѣздъ, какъ у него и въ книгѣ было записано. Исправникъ догадкою своею привелъ въ несказанную радость добрыхъ этихъ людей. Они со слезами благодарили милосердаго Бога, что онъ столь чудесно призрѣлъ ихъ своею благодатію,ославъ имъ неожиданно такого благодѣтеля. Вскорѣ потомъ, родители, снарядивъ обоихъ сыновей, отправили ихъ на службу въ Молдавію, въ главную квартиру графа.

Корнетъ часто разсказывалъ объ этомъ случаѣ съ чувствомъ глубокой благодарности, возсылалъ теплыя молитвы о здравіи своего благодѣтеля. Сыновья его также стали хорошіе слуги Государыни и оба находились въ штабѣ графа Суворова. Старшій изъ нихъ, при взятіи Праги и Варшавы, былъ уже секундъ-маіоромъ.

Не смотря на блистательные успѣхи русскаго оружія въ Турціи, Императрица желала мира, тѣмъ болѣе что въ это же время Россія вынуждена была вести войну съ Швеціею. Императрица желала заключить миръ, выгодный для Россіи, но неожиданное обстоятельство представило препятствіе къ примиренію.

Турецкій султанъ скончался въ апрѣлѣ 1789 г., и на престолъ вступилъ двадцати-лѣтній сынъ его, Селимъ, не желавшій ознаменовать начало своего правленія заключеніемъ мира унизительнаго для государства.

Военныя дѣйствія были возобновлены.

Вслѣдствіе полученнаго приказанія, Суворовъ вступилъ въ сношенія съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, которому вѣрено было начальство надъ австрійскими вспомогательными войсками.

Турецкая армія двинулась къ мѣстечку Фокшанамъ и угрожалъ нападеніемъ на войска принца Кобургскаго. Суворовъ поспѣшилъ къ нему на помощь, ближайшей дорогой, черезъ горы и лѣса, и пройдя 80 верстъ въ 36 часовъ, соединился съ нимъ при Фокшанахъ.

Произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ 25,000 русскихъ и австрійскихъ солдатъ совершенно разбили 40,000 Турокъ.

Послѣ битвы подъ Фокшанами произошла знаменитая Рымникская побѣда 1790 года. Турецкій Визирь, зная малочисленность корпуса Суворова (всего 25,000 человѣкъ) намѣревался отмстить за Фокшаны. Сентября 6-го, принцъ Кобургскій извѣстилъ Суворова, что вся армія визиря около 100,000 человѣкъ сближается къ Фокшанамъ, гдѣ расположены были Австрійцы.

«Спасите насъ!» писалъ принцъ Кобургскій Суворову, который находился съ корпусомъ въ Пучени. «Иду!» отвѣчалъ Суворовъ, однимъ словомъ на лоскуткѣ бумажки. Въ полночь онъ выступилъ, гроза и дождь затруднили переходъ, и при всемъ томъ переходъ былъ сдѣланъ такъ быстро, что удивилъ принца Кобургскаго, который выбѣжалъ на встрѣчу Суворову и называлъ его спасителемъ своимъ.

Главная армія визиря стояла при Мартинешти, на р. Рымникѣ.

Суворовъ направился быстро и скрытно къ непріятельскому лагерю и сдѣлалъ нападеніе такъ внезапно, что когда услышанная вдали канонада распространила тревогу въ Турецкомъ лагерѣ, то никто не вѣрилъ, что *топалъ-паша* Русскій (такъ называли тогда Турки Суворова потому, что онъ нечаянно накололъ ногу и хромалъ), что Суворовъ прибылъ и осмѣлился сразиться. Визирь пилъ въ то время кофе, чашка выпала у него изъ рукъ при извѣстіи:—«Суворовъ здѣсь и уже сражается!» Шпіонъ, извѣстившій визиря, что за два дня Русскіе стояли спокойно въ Пучени, былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, хотя этотъ несчастный сказалъ тогда совершенную правду.

Турки, изумленные и испуганные встрѣчей съ Русскими, стали отступать, и наконецъ обратились въ бѣгство. Суворовъ самъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ, не давалъ имъ пощады, приказывалъ рубить всѣхъ и не брать никого въ плѣнъ.

Тщетно визирь, забывъ болѣзнь свою, сѣлъ на лошадь и съ кораномъ въ рукѣ уговаривалъ бѣгущихъ, даже грозилъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ,—но все

было напрасно! Толпы Турокъ, спасаясь, бѣжали въ лѣсъ. Вся долина, простиравшаяся отъ лѣса на семь верстъ до рѣки Рымника, представляла зрѣлище бѣгства, безпорядка и гибели; все пространство это покрыто было мертвыми, ранеными, пушками, обозами. Визирь, въ отчаяніи, бѣжалъ за рѣку. Поздно вечеромъ, союзники торжественно вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу Рымника; Принцъ Кобургскій явился къ Суворову съ своими генералами и офицерами, и не зналъ, какъ благодарить его. На другой день рано утромъ, войска овладѣли визирскимъ лагеремъ, взяли даже шатеръ его, богато вышитый золотомъ; Турки бѣжали къ Браилову, и не останавливаясь переправлялись за Дунай. Визирь не перенесъ позора пораженія и умеръ въ какой-то деревнѣ. Число погибшихъ въ этомъ дѣлѣ Турокъ было болѣе 10,000, весь обозъ, 100 знаменъ, 80 пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, кромѣ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ было много Австрійскихъ и при дѣлежѣ ихъ произошелъ споръ. «Отдайте имъ,» сказалъ Суворовъ, «вѣдь они свое берутъ. Мы достанемъ еще себѣ, а имъ гдѣ взять?» Уронъ союзниковъ былъ ничтожный. Слѣдствіемъ Рымникской побѣды было взятіе Бѣлграда, сдача Бендеръ и Аккермана.

Побѣду подъ Рымникомъ Австрійцы назвали битвою подъ Мартинешти, а Русскіе Рымникскою. Причиной столь знаменитой побѣды были быстрота и распорядительность Суворова! Побѣда эта произвела всеобщій восторгъ въ Австріи и Россіи. Императоръ Австрійскій наградилъ побѣдителей: Суворовъ возведенъ былъ въ графы Римской имперіи; принцъ Кобургскій пожало-

ванъ фельдмаршаломъ. Екатерина наградила своего генерала по царски; ему даны были: *орденъ св. Георгія 1-й степени*, графское достоинство, съ наименованіемъ *Рымникскаго*, брилліянтовыя знаки Андреевскаго ордена, а также ему и принцу Кобургскому пожаловала шпаги, осыпанныя брилліянтами, съ надписью: *Побѣдителю Визиря.*

25-го ноября 1790 года, Суворову поручено было княземъ Потемкинымъ взять Измаилъ. Эта Турецкая крѣпость, названная Турками по обширности своей *Орду-калеси* (Крѣпость Измаилъ), занимала въ окружности 10 верстъ, примыкала одною стороною къ Дунаю, гдѣ ограждена была каменною стѣною; съ другихъ сторонъ крѣпость ограждалась земляным валомъ, въ 4 сажени вышиною, со рвомъ въ 7 сажень глубины. 250 пушекъ и 40,000 гарнизона охраняли Измаилъ, подъ начальствомъ сераскира Аудузлу-паши, старика, посѣдѣлаго въ битвахъ и при немъ было нѣсколько пашей. Извѣстно, что Турки весьма храбры и отважны при защитѣ крѣпостей, но не стойки въ полѣ. Для взятія Измаила у Суворова было только 28,000 войска, состоящаго на половину изъ казаковъ; тогда какъ извѣстно, что осаждающій долженъ имѣть больше войска, нежели осажденный въ крѣпости. Но Суворовъ не обращалъ на это вниманія, онъ зналъ, что каждый его солдатъ, при случаѣ постоитъ противъ пяти Турокъ. И вотъ Суворовъ, въ ненастную погоду, грязь и холодъ, прибылъ съ своимъ отрядомъ подъ Измаилъ 2-го декабря и увѣдомилъ Потемкина: «Къ Измаилу я прибылъ.» Потемкинъ отвѣчалъ Суворову: «предоставляю Вашему Сіятельству

рѣшить: продолжать или оставить предпріятіе на Измаилъ. Вы на мѣстѣ. Руки у васъ развязаны, и вы, конечно, не упустите ничего, что способствуетъ пользѣ службы и славѣ оружія.» Неточное приказаніе Потемкина Суворовъ принялъ такъ: «Мнѣ дана воля отступать и наступать, слѣдовательно, отступать не приказано.» «Безъ особаго повелѣнія вашего безвременно отступать было-бы постыдно,» писалъ онъ Потемкину, отъ 3-го декабря.—«Ничего не обѣщаю. Гнѣвъ и милость Божія въ его провидѣніи; войско пылаетъ усердіемъ къ службѣ.»

Суворовъ зналъ своихъ солдатъ; одно слово его воодушевляло всѣхъ, и солдадъ и его ближайшихъ помощниковъ и совѣтниковъ. На военномъ совѣтѣ положили единодушно: «штурмовать Измаилъ—блокада безполезна; спрашивать повелѣній не нужно; отступать предосудительно.» Платовъ, славный въ войнѣ 1812 года, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: «штурмовать!»

«Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» воскликнулъ Суворовъ, обнимая его. «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра — побѣда или смерть!» воскликнулъ онъ, когда утверждено было общее рѣшеніе.

Сераскиру послано было требованіе о сдачѣ крѣпости. На требованіе это Сераскиръ совѣтовалъ Русскимъ «убраться поскорѣе, если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода.» Тогда послано было вторично требованіе о сдачѣ крѣпости.

«Скажи Суворову», былъ отвѣтъ Сераскира, «что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ къ верху, нежели я сдамъ Измаилъ!»

Между тѣмъ Русскіе дѣятельно готовили фашины и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться. Утромъ 10-го числа, желая отвлечь вниманіе Турокъ, Суворовъ открылъ пальбу съ флота и съ двухъ батарей. Вечеромъ она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово: оно распредѣлено было на три отдѣленія и въ каждомъ было по три колонны.

Полки двинулись. Осажденные готовились встрѣтить. Суворовъ объѣзжалъ войско; говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты. Въ три часа взлетѣла ракета — всѣ взялись за оружіе; въ четыре часа другая — построились; въ пять третья и — колонны двинулись къ Измаилу. Въ одно мгновеніе стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и огласились криками: «Ура! Алла!» Отчаянный штурмъ начался.

Турки встрѣтили русскихъ чудо-богатырей огнемъ 250 орудій, но это ихъ не остановило, они смѣло лѣзли на стѣны, иные даже безъ лѣстницъ, втыкая въ валъ штыки. Въ одномъ мѣстѣ Русскіе замялись, но среди ихъ явился священникъ, и именемъ Бога Побѣдодавца, держа въ рукѣ крестъ, повелъ ихъ впередъ. Кутузовъ во время штурма извѣстилъ Суворова о невозможности идти далѣе. «Скажите Кутузову», отвѣчалъ Суворовъ, «что я назначаю его комендантомъ Измаила!» Этого было достаточно, и къ 8-ми часамъ утра Русскіе уже овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями, но имъ предстояло еще много борьбы; каждая улица, каждый домъ были оспариваемы съ оружіемъ

въ рукахъ. Каплань-Гирей, братъ Крымскаго хана, сражался, окруженный своими шестью сыновьями: пятеро изъ нихъ пали въ его глазахъ, и на трупы ихъ, послѣднимъ палъ отецъ! Сераскиръ былъ убитъ въ свалкѣ. Сражались даже женщины, одинъ только человѣкъ ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи Русскими непобѣдимой крѣпости. Турокъ убито было до 23,000 и только 5,000, и то большею частью раненыхъ, взято въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ было около 60 пашей. Въ 4 часа пополудни Измаилъ былъ какъ безмолвная могила, опаленный пожаромъ, залитый кровью, заваленный трупами, и Суворовъ писалъ Императрицѣ: «Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества», а къ Потемкину: «Не бывало крѣпости крѣпче, не было обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ—поздравляю Вашу Свѣтлость».

Изъ 28,000 Русскихъ убито было до 4,000, ранено 6,000. Добыча войску досталась несмѣтная—огромные запасы хлѣба, пшена, кофе, рыбы, скота, лошадей. Знаменъ и древокъ отъ знаменъ сорванныхъ въ битвѣ, взято было 595, пушекъ 232. Изъ числа жителей уцѣлѣло 6,000 женщинъ и дѣтей, 2,000 Молдаванъ и Армянъ, 200 Татаръ, 500 Жидовъ. На другой день штурма Суворовъ возносилъ благодареніе Богу въ церкви Греческаго монастыря св. Іоанна. Черезъ два дня былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса; потомъ пировали у генерала Потемкина, а черезъ недѣлю войско пошло уже на зимнія квартиры.

Послѣ взятія штурмомъ Измаила, Суворовъ построилъ нѣсколько крѣпостей, при чемъ выказалъ свои позна-

нія въ инженерномъ искусствѣ. Ко времени построенія крѣпостей относится замѣчательный разговоръ его съ однимъ подпоручикомъ. Осматривая однажды крѣпостныя работы, Суворовъ увидѣлъ подпоручика, который смотрѣлъ на луну.

— А далеко-ли до луны? спросилъ онъ у него.

— Не считалъ, ваше сіятельство, но полагаю, что не больше трехъ солдатскихъ переходовъ, бодро отвѣчалъ офицеръ, хорошо зная, что Александръ Васильевичъ не любилъ немогузнаекъ.

— Не далеко-же! возразилъ Суворовъ.

— И не близко, ваше сіятельство! если эти переходы сдѣланы будутъ подъ вашею командою.

— Господинъ Поручикъ! Такъ-ли? сказалъ Суворовъ, чрезвычайно довольный быстрымъ его отвѣтомъ.

— Ваше сіятельство! Во первыхъ, я не поручикъ, а только подпоручикъ; во вторыхъ, вѣдь въ вашихъ рукахъ была луна, которую вы передали Матушкѣ-Царицѣ, смѣло отвѣчалъ офицеръ, памекая на взятіе Измаила.

— Господинъ капитанъ! милости просимъ ко мнѣ сегодня поужинать, а завтра и обѣдать, сказалъ Суворовъ, поклонившись ему въ поясъ.

Чинъ поручика и потомъ капитана были испрошены имъ у Императрицы, и удостовѣрясь въ способностяхъ, онъ доставилъ потомъ этому офицеру, мѣсто въ инженерномъ корпусѣ. Такъ-то Суворовъ иногда узнавалъ людей по быстрымъ отвѣтамъ на свои, какъ казалось, самые странные вопросы.

Въ 1794 году въ Польшѣ возникли безпорядки; чтобы успокоить волненіе, посланы были туда Русскія

войска. Возмутители рѣшились тогда на крайне злодѣйское дѣло: въ ночь съ 6-го на 7-е апрѣля, т. е. четверга на пятницу страстной недѣли, бунтовщики въ Варшавѣ напали на Русскихъ и перерѣзали сонныхъ и беззащитныхъ.

Ужаснулась Императрица Екатерина, услыхавъ о такомъ варварскомъ дѣлѣ, и чтобъ наказать возмутителей, поручила Суворову немедленно отправиться съ войсками въ Варшаву.

— «Я посылаю въ Польшу двойную силу, сказала Императрица:—армію и Суворова».

— Пойдемъ и покажемъ, какъ бьютъ поляковъ, говорилъ Александръ Васильевичъ своимъ чудо-богатырямъ, и немедленно двинулся туда съ восемью тысячами человѣкъ.

Русское войско, стоявшее въ Польшѣ, съ нетерпѣніемъ ждало прибытія русскаго чудо-богатыря.

— Пусть-ка пріѣдетъ къ намъ нашъ батюшко-Суворовъ, говорили солдаты, зададимъ мы острастку Полякамъ.

Вскорѣ по русскому лагерю разнесслось: «Суворовъ пріѣхалъ! Суворовъ пріѣхалъ!» и обрадованные солдаты, наперерывъ одинъ предъ другимъ, старались хотя взглянуть на своего отца, спрашивая: «гдѣ онъ? гдѣ нашъ родимый?»

На лугу, близъ лагеря, приготовленъ былъ для Суворова сѣнникъ, возлѣ котораго остановилась его телѣжка; взоры всѣхъ обращены были туда. Онъ вошелъ въ раскинутый для него шатеръ, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вмѣсто кровати навалено было свѣжое сѣно, не покрытое ни ковромъ, ни даже простыней,

такъ какъ Суворовъ во время похода имѣлъ обыкновеніе, отдыхая нѣсколько часовъ ночи, спать не раздѣваясь, прикрывшись только своимъ плащемъ.

Въ сѣнникъ явились къ нему генералы и полковые командиры. Въ немногихъ словахъ Суворовъ объявилъ имъ волю Императрицы—«задать острастку безпокойному народу и успокоить мирныхъ миромъ, буйныхъ штыкомъ, когда честь не возьметъ.» Сказавъ это, Суворовъ легъ на сѣно, накрылся плащемъ, вытянулся и, зажмуривъ глаза, произнесъ. «Войскамъ выступать, когда пѣтухъ запоетъ. Идти быстро — полкъ за полкомъ: голова хвоста не ждетъ. Жителей не обижать!»

— Что за диковинка такая, говорили солдаты: сигнальнымъ знакомъ къ выступленію въ походъ назначается пѣніе пѣтуха?

Начались приготовленія: солдаты чистили оружіе, пересматривали патроны, оттачивали штыки и сабли. Въ семь часовъ вечера, дѣйствительно запѣлъ пѣтухъ: послышалось: «кукарику! кукарику! кукарику!»

— Гдѣ-же это поетъ пѣтухъ? говорили солдаты.

— Да въ сѣнникѣ, отвѣчали другіе.

— Кто-же тамъ?

— Александръ Васильевичъ!

— Такъ вотъ кто пропѣлъ пѣтухомъ!

Тогда по поданному сигналу, барабанщики ударили въ барабаны, трубачи затрубили въ трубы и зашумѣло, загремѣло въ воздухѣ. Тревога пошла по всему лагерю: все зашевелилось, засуетилось; въ одинъ мигъ не стало палатокъ, и корпусъ въ четырнадцать тысячъ летѣлъ уже на бой. Въ полночь данъ былъ роздыхъ на короткое время. Но на зарѣ опять послыша-

лось громкое: «кукарику!» Снова всѣ вскочили, вспрыснулись холодною водою, помолились Богу, и опять отправились въ походъ. Объѣзжая ряды и осматривая своихъ чудо-богатырей, Александръ Васильевичъ со всѣми здоровался.

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство! пронесся по рядамъ радостный крикъ.

— Здорово, братцы! Помилуй Богъ, чудо-богатыри! здорово, здорово! говорилъ Суворовъ.

Потомъ, обратившись къ одному изъ ротныхъ командировъ, Александръ Васильевичъ, поглядывая на солдатъ, сказалъ:

— Помилуй Богъ! твои—богатыри! Чудо—богатыри! Однако, говорятъ, что у злодѣевъ-то много силы; а мы ихъ поколотимъ, помилуй Богъ, поколотимъ!...

Тутъ два гренадера, красавцы, рослые, плотные, умные, словомъ сказать, Суворовскіе богатыри, почти въ одинъ голосъ сказали:

— Э, ваше сіятельство, нашъ отецъ! Вѣдь штыкъ-то нашъ молодецъ! по три на него мало, по десяти упрячемъ!... И пули не пустимъ мимо, когда дѣло до нея дойдетъ,—дайте только намъ добраться до непріятеля?

— Хорошо, знатно! Помилуй Богъ, хорошо! сказалъ Александръ Васильевичъ, и, обратившись къ одному изъ говорившихъ, спросилъ: тебя какъ зовутъ?

Вороновымъ, ваше сіятетьство!

— Ладно; будь-же ты *Соколомъ*, сказалъ Суворовъ; а тебя какъ? спросилъ онъ другаго гренадера.

— Голубцевымъ, ваше сіятельство!

— Ну, такъ ты будешь у меня *Орломъ*.

И прозвища эти на всю жизнь остались двумъ бравымъ гренадерамъ.

— А что, продолжалъ Александръ Васильевичъ, обратившись къ ротному командиру: есть у тебя еще въ строю старые, Крымскіе, Кинбурнскіе, Рымникскіе?

— Есть, ваше сіятельство; эй Михайло Огневъ!

Удалый гренадеръ, храбрый и веселый, выступилъ впередъ.

Быстро взглянулъ на него Суворовъ, и на минуту зажмурилъ глаза.

— Помилуй Богъ! сказалъ онъ: я тебя знаю, видалъ... только не вспомню гдѣ...

— Въ Кинбургскомъ сраженіи, ваше сіятельство, отвѣчалъ Огневъ.

— Ахъ да, да, вспомнилъ!... Помнишъ ли; какъ ты свалилъ одного, другаго и третьяго Турка?... Помнишъ ли какъ вотъ тутъ турецкая пуля пробила лишь дырочку, и вы съ донскимъ подполковникомъ, свели меня подруки къ морю, вымыли морскою водою ранку и перевязали! Помнишъ ли какъ ты бѣгалъ за мною во все сраженіе!

—Помню ваше сіятельство! помню и вашу ко мнѣ милость! отвѣчалъ Огневъ.

А каковъ? спросилъ Александръ Васильевичъ, обращаясь къ ротному командиру.

— Знатный, хорошій молодецъ вскричали всѣ солдаты полагавшіе, что Суворовъ обращался къ нимъ.

— Хорошо знатно! Прощай Михайло Огонь, чудо—богатырь, ты огонь! Прощайте братцы! Всѣ вы, вся ваша рота, весь полкъ, всѣ, всѣ чудо—богатыри!... Спаси Богъ! Всѣ вы, молодцы. Всѣ русскіе!

И сказавъ эти слова, Александръ Васильевичь ускакалъ въ галопъ, чтобы побесѣдовать и съ другими дѣтушками—солдатушками.

Въ скоромъ времени, Русскія войска настигли непріятельскую шайку.

Страхъ напалъ на Поляковъ, когда они узнали что русскими предводительствуетъ Суворовъ. Для ободренія своихъ войскъ польскіе вожди прибѣгли къ хитрости, распустили слухъ, что это не тотъ Суворовъ, который нѣкогда воевалъ въ Польшѣ и въ Турціи взялъ Измаилъ, а другой, молодой генералъ одного съ нимъ имени. Но скоро всѣ увидѣли, что это былъ тотъ самый Суворовъ, прежній чудо-богатырь.

Суворовъ въ Польшѣ нанесъ первый ударъ Сираковскому, который стоялъ подъ Кобриномъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Сираковскій встрѣтилъ Суворова сильною канонадою, но Суворовъ не смутился, ударилъ въ штыки, а потомъ конницею смялъ поляковъ, которые отступили въ безпорядкѣ и понеслись, куда глаза глядятъ. Догнавъ ихъ за Брестомъ, Суворовъ снова нагрянулъ на нихъ съ штыками и конницею, и совершенно разбилъ весь корпусъ; Сираковскій едва могъ уйти въ Варшаву, послѣ чего возстаніе въ Литвѣ прекратилось.

Множество храбрыхъ пало близъ Брестъ-Литовска товарищи по христіански простились съ убитыми, и снесли ихъ въ общую могилу.

На другой день рядовые и офицеры въ полныхъ мундирахъ отправились къ кургану, на которомъ стояло уже множество крестовъ, поставленныхъ въ вѣчную память падшимъ братьямъ. Туда же прибылъ и Александръ Васильевичь Суворовъ. Приказавъ отслужить

общую панихиду по убіенныхъ, онъ съ усердіемъ молился Господу, и, по окончаніи священнодѣйствія, произнесъ надгробную рѣчь.

— «Миръ вамъ, убитые!» такъ говорилъ Суворовъ, «Царство небесное вамъ, христолюбивые воины, павшіе за Православную вѣру, за матушку Царицу, за Русскую землю! Миръ вамъ! Царство вамъ небесное, богатыри-витязи, вы приняли вѣнецъ мученическій, вѣнецъ славный!.. Молите Бога о насъ».

Императрица Екатерина, получивъ донесеніе о побѣдѣ Суворова, прислала герою бриллiантовую петлицу на шляпу, подаривъ ему еще три пушки изъ взятыхъ у непріятеля.

Когда Суворовъ, оставаясь въ Брестѣ, обдумывалъ планъ для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, вдругъ донесли ему, что начальствующій польскими войсками, Косцюшко, разбитъ и взятъ въ плѣнъ генераломъ Ферзеномъ. «Слава Богу! и Польша наша!» воскликнулъ обрадованный Александръ Васильевичъ. Тогда Суворовъ прямо пошелъ къ Варшавѣ, чтобы, овладѣвъ этимъ главнымъ гнѣздомъ возстанія, положить конецъ и самому возстанію. Оставляя безъ преслѣдованія непріятельскіе отряды, бывшіе въ разныхъ городахъ, онъ разбивалъ только тѣ изъ нихъ, которыя попадались ему по дорогѣ.

Двадцать второго октября 1794 года, русское войско расположилось въ виду Праги, укрѣпленнаго предмѣстія Варшавы. Въ семь часовъ вечера отданъ былъ полковой приказъ. Онъ былъ не краснорѣчивъ, но понятенъ каждому. Вотъ въ чемъ онъ состоялъ:

– «Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

1-е. Взять штурмомъ Прагскій ретраншементъ, и для того:

2-е. На мѣстѣ, полки устроить въ колону по-ротно. Охотники съ своими начальниками станутъ впереди колоны, съ ними рабочіе, они понесутъ плетни, для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ,—для закидки рва, лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ. Людямъ съ шанцовымъ инструментомъ быть подъ началомъ особыхъ офицеровъ и стать на правомъ флангѣ колонъ. У рабочихъ ружья чрезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Съ ними егеря, Бѣлорусцы и Лифляндцы; они у нихъ направо.

3-е. Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

4-е. Подошедъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро; по приказу кричать: «ура!..»

5-е. Подошли ко рву,—не секунды не медля бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него и ставь къ валу лѣстницы. Охотники стрѣляй врага по головамъ.— Шибко, скоро, пара за парой лѣзь! Коротка лѣстница— штыкъ въ валъ, лѣзь по немъ, другой, и третій, товарища обороняй! Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля— и мгновенно стройся за валомъ.

6-е. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить быстро, храбро, скоро, по русски! Держаться своихъ къ срединѣ; отъ начальниковъ не отставать— вездѣ фронтъ.

7-е. Въ дома не забѣгать; безоружныхъ не убивать;

съ бабами не воевать; непріятеля просящаго пощады—щадить; малолѣтковъ не трогать.

8-е. Кого изъ насъ убьютъ—царство небесное! Живымъ—слава, слава, слава!«

Приказъ этотъ прочли три раза.

—«Мы знаемъ, что отцу нашему Александру Васильевичу угодно», говорили усачи; «не въ первинку намъ и послужить матушкѣ нашей Государынѣ Царицѣ!»

Суворовъ, осмотрѣвъ укрѣпленія, опредѣлилъ планъ атаки, раздѣлилъ войска свои на семь колоннъ и назначилъ день приступа 24-го октября.

Наступила темная, холодная ночь.

Въ три часа утра, Русскія войска тихо выступили изъ лагеря, и приготовились къ нападенію.

— Ну, господа поляки теперь къ раздѣлкѣ! говорили солдаты. За кровь нашихъ, измѣнническки пролитую въ Варшавѣ на страстной недѣлѣ, пора васъ убаюкать!

Въ пять часовъ утра зашипѣла въ воздухѣ ракета и колонны двинулись къ Прагѣ. Солдаты шли бодро, не обращая вниманія на перекрестный огонь съ непріятельскихъ батарей. Суворовъ самъ распоряжалъ движеніями, стоя на высокомъ холмѣ вблизи валовъ. Завязался рукопашный бой: кровопролитіе было страшное; огонь, дымъ, трескъ, крики, стоны, грохотъ барабановъ—все смѣшалось и представляло необыкновенное зрѣлище.

Двѣнадцать часовъ продолжалось сраженіе, двѣнадцать часовъ лилась кровь и, наконецъ, пронеслось громкое оглушительное ура! Прага была взята. Страш-

ное пламя, раздуваемое вѣтромъ, обхватило городъ, который и пылалъ почти всю ночь.

На другой день послѣ кровопролитнаго сраженія, чрезъ рѣку Вислу переплывали двѣ лодки, на которыхъ были выставлены бѣлые флаги. Въ лодкахъ сидѣли депутаты, отправленныя изъ Варшавы къ Суворову. Они пришли къ ставкѣ его по грудамъ тѣлъ, среди дымившихся развалинъ и войска, готоваго къ новому бою. Депутаты имѣли порученіе просить перемирія на недѣлю.

Суворовъ сидѣлъ въ палаткѣ, наскоро разбитой на развалинахъ; деревянный обрубокъ служилъ ему стуломъ, а другой столомъ. Когда доложили Суворову, чего хотятъ депутаты, онъ воскликнулъ: «О народъ, который самъ не знаетъ, чего хочетъ!» и отвѣчалъ чрезъ дежурнаго офицера: «Договоры непужны. Войско обезоруживается и всякое оружіе отдается Русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. «Отвѣтъ чрезъ 24 часа». Спустя послѣ того нѣсколько времени Александръ Васильевичъ пригласилъ депутатовъ къ себѣ въ палатку. Завидѣвъ ихъ идущихъ къ нему, Александръ Васильевичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и, отбросивъ отъ себя саблю, произнесъ:

— «Миръ, тишина и спокойствіе! Да будетъ впредь между нами миръ!»

Съ этими словами, онъ обнялъ депутатовъ. Депутаты не могли удержаться отъ слезъ, при видѣ дружеской встрѣчи и ласковаго пріема. Имѣя уже отвѣтъ Суворова, они отправились въ Варшаву. На слѣдую-

щій день къ нему прибыли другіе депутаты, но съ тою-же просьбою о перемиріи; отвѣтъ Суворова былъ тотъ-же. Тогда къ русскому вождю явились графы Потоцкій и Мостовскій, объявляя, что, для очищенія Варшавы отъ войска, необходима недѣля времени. «Ни одного часа!» гнѣвно вскрпчалъ Суворовъ. «Мы не воюемъ съ Польшею и Королемъ ея!.. Я не дипломатъ и переговоры прекращаются». Суворовъ раздосадованный, далъ войскамъ приказъ переправляться черезъ Вислу, отдѣлявшую Прагу отъ Варшавы. Тогда изъ Варшавы присланъ былъ отвѣтъ о безусловной покорности. Тотчасъ-же возобновили мостъ чрезъ Вислу: Русскіе стали переходить изъ Праги въ Варшаву, поляки изъ Варшавы въ Прагу. Въ нашемъ лагерѣ былъ тогда Игнатій Потоцкій, присланный отъ Короля и Суворову кто-то предложилъ задержать его, какъ одного изъ главныхъ возмутителей, но Александръ Васильевичъ благородно отвѣчалъ: «Постыдно употреблять во зло довѣренность человѣка, добровольно ко мнѣ пришедшаго!»

29-го октября 1794 года послѣдовалъ торжественный входъ Русскихъ въ Варшаву. Еще съ утра этого дня загремѣла музыка, загрохотали барабаны: и наши выступили изъ Праги. Побѣдитель Суворовъ въ вицмундирѣ, безъ орденовъ, окруженный своими генералами, ѣхалъ верхомъ на казацкой лошади. У моста побѣдоносное войско пріостановилось: тутъ ожидали Суворова городовые правители. Низко поклонившись, они подпесли ему хлѣбъ-соль вмѣстѣ съ серебряными позолоченными ключами города. Ключи эти донынѣ хранятся въ Петропавловскомъ Соборѣ въ Петербургѣ.

Въ тоже время толпы народа покрывали улицы Варшавы, окна были наполнены любопытными... всѣ, повидимому, радовались вступленію Русскихъ и вотъ Александръ Васильевичъ Суворовъ вступилъ въ Варшаву, и со всѣхъ сторонъ раздались радостные клики:

— Да здравствуетъ Екатерина!

— Да здравствуютъ Русскіе!

— Да здравствуетъ Суворовъ!

Въ тотъ же день, Суворовъ донесъ Императрицѣ!

«Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!»

— «Ура! Фельдмаршалъ!» отвѣчала Императрица побѣдителю Варшавы. Этимъ отвѣтомъ Императрица Екатерина извѣстила героя Суворова, что она жалуетъ его Фельдмаршаломъ Русскихъ войскъ.

V

Суворовъ Генералиссимусъ

Рескриптъ Императрицы Екатерины къ Суворову.—Кончина Императрицы Екатерины и вступленіе на престолъ Императора Павла I-го. Увольненіе Суворова и его прощаніе съ войскомъ.—Жизнь Суворова въ селѣ Кончанскомъ.—Рескриптъ Императора Павла I-го.—Назначеніе Суворова главнокомандующимъ въ Италіи.—Битва при Требіи.—Битва при Нови.—Вступленіе русскихъ въ Швейцарію.—Переходъ черезъ Альпы.—Возвращеніе Суворова въ Россію.—Болѣзнь Суворова.—Послѣднія минуты жизни Суворова.

Суворовъ, какъ воинъ по призванію, былъ вполнѣ счастливъ, получивъ высокую награду — званіе фельдмаршала Русскихъ войскъ. Въ то время въ Россіи было два фельдмаршала: Разумовскій и Румянцевъ, по десять генераловъ по службѣ были старѣе Александра

Васильевича и, слѣдовательно, по старшинству, имѣли болѣе права на это званіе. Екатерина Великая въ рескриптѣ объяснила предпочтеніе, отданное Суворову. Она писала:

«Вы знаете, что я не произвожу никого чрезъ очередь, и никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ.»

Кромѣ этой награды, Суворову былъ пожалованъ фельдмаршалскій жезлъ, осыпаный брилліантами и 7000 душъ крестьянъ, близъ завоеваннаго имъ города Кобрина.

Радостное извѣстіе и награда за подвиги въ Польшѣ, застали Александра Васильевича въ Варшавѣ, въ то время, когда въ квартирѣ его было нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему высшихъ начальниковъ. Не говоря имъ ни слова, Александръ Васильевичъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ, потомъ выбѣжалъ въ другую комнату. Всѣ нетерпѣливо желали узнать причину радости Суворова.

Вскорѣ въ комнату вошелъ Прохоръ.

— «Готово, Ваше Сіятельство!» доложилъ онъ.

Одѣвшись въ полный фельдмаршалскій мундиръ со всѣми своими орденами, Суворовъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ и потомъ вышелъ къ войску.

Радость солдатъ была невыразима, Громкое ура! долго разносилось по воздуху.

Суворовъ пробылъ въ Польшѣ до конца 1795 года, когда воспослѣдовалъ окончательный раздѣлъ королевства, разстроеннаго внутренними безпорядками и возмущеніями. Король отрекся отъ престола, и послѣ раздѣла, достались Россіи: Вильно, Гродно, остальная

часть Волыни, Самогитія, Троки, Новогрудокъ, Брестъ и Хельмъ съ ихъ уѣздами. Пространство новоприобрѣтенной земли составляло 2183 квардратныя мили съ 1,176,590 жителями.

Въ ноябрѣ 1795 года Суворовъ сдалъ Варшаву Пруссакамъ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Губернаторамъ Гродно, Митавы и Риги было предписано встрѣтить героя съ торжествомъ; но Суворовъ не любилъ торжественныхъ встрѣчь, а потому, не доѣзжая еще до Гродно, послалъ своего адьютанта просить князя Рѣпнина отмѣнить церемоніалъ.

Князь отвѣчалъ, что не можетъ не исполнить повелѣнія Императрицы, и приказавъ все приготовить для встрѣчи, послалъ нарочнаго впередъ, для того, чтобы его извѣстили, когда покажется дорожная коляска Александра Васильевича. Вскорѣ на дорогѣ показалась простая кибитка, закрытая рогожей; рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ на козлахъ Дмитрій, поваръ Суворова. Скоро ли будетъ Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичь?» спросилъ кучера адъютантъ князя Рѣпнина.

— «Его Сіятельство ѣдетъ за нами,» отвѣчалъ кучеръ.

И кибитка понеслась далѣе.

Едва только кибитка исчезла изъ виду, какъ адъютантъ Суворова обратился къ адъютанту Рѣпнина и сказалъ ему:

— «Теперь покорнѣйше прошу васъ довести до свѣдѣнія князя, что фельдмаршалъ уже проѣхалъ.»

— «Когда? въ чемъ?»

— «Сейчасъ въ кибиткѣ, которую вы видѣли.»

. Такъ Суворовъ избавился отъ торжественной встрѣчи въ Гродно. Въ Митавѣ же и въ Ригѣ коменданты, по убидительной просьбѣ фельдмаршала, отмѣнили предписанные церемоніалы.

Александръ Васильевичъ безъ задержки доѣхалъ до Петербурга.

Императрица приказала узнать всѣ привычки Суворова и оказывать особенное вниманіе даже къ причудамъ его. Узнавъ, что Александръ Васильевичъ былъ отъявленный врагъ роскоши, Екатерина Великая приказала вынести изъ покоевъ, чрезъ которыя ему слѣдовало проходить, самую дорогую мебель и завѣсить зеркала и картины.

Государыня приняла героя съ особеннымъ почетомъ: долго бесѣдовала она съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, милостиво выслушала разсказъ его о всемъ случившемся въ Польшѣ; благодарила его за подвиги, и ласково разговаривала, предлагая ему множество вопросовъ. Александръ Васильевичъ бойко отвѣчалъ, поощряемый вниманіемъ Великой Государыни. Но одинъ вопросъ Императрицы: «Всѣ-ли по заслугамъ награждены?» вдругъ произвелъ въ немъ перемѣну. Суворовъ вспомнилъ, что одинъ маіоръ остался еще не награжденнымъ.

— Виноватъ, Матушка—Государыня! произнесъ Суворовъ. Прости меня, виноватъ! Просмотрѣлъ! позабылъ одного маіора, который и теперь лежитъ раненый. Правда онъ *самохвалъ*, но храбрый офицеръ. Виноватъ! прости мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня.

— Вину вашу, Александръ Васильевичъ, легко можно исправить, съ улыбкою возразила Екатерина, же-

лая успокоить сильно встревоженнаго старца. Садитесь и назначьте ему достойную награду.

Необыкновенно обрадованный таковымъ милостивымъ дозволеніемъ Государыни, Александръ Васильевичъ сѣлъ и написалъ повелѣніе въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «Господинъ Секундъ-Маіоръ! Всемилостивѣйшая Государыня наша, Матушка Царица, Всемилостивѣйше пожаловала вамъ: за Мачинъ—чинъ, за Брестъ—крестъ, за Прагу—золотую шпагу, а за долгое терпѣнье сто душъ въ награжденье.» Соизволяя на эту награду, Императрица сказала съ особеннымъ удовольствіемъ:

— Вотъ это хорошо, Александръ Васильевичъ! Запечатайте-же эту бумагу, и мы сейчасъ отправимъ ее.

Тронутый до глубины души, фельдмаршалъ упалъ къ ногамъ Государыни, повторяя; «Виноватъ, Матушка Царица! Позабылъ достойнаго!»

— Вѣдь вина ваша исправлена, сказала Императрица, поднимая Суворова и поцѣловавъ его въ голову. Пусть только господинъ самохвалъ получитъ эту бумагу, полагаю что онъ не будетъ сердиться. А я охотно забываю вашу вину.

Суворовъ успокоился. На прощаньи Государыня подарила ему драгоцѣнную табакерку съ изображеніемъ Александра Македонскаго, говоря: «Никому такъ не прилично имѣть портретъ тески вашего, какъ вамъ... вы великъ какъ онъ!» *).

Суворовъ прослезился, слыша такое высокое о себѣ мнѣніе Императрицы, цѣловалъ ея руку.

---

*) Александръ Македонскій былъ извѣстный древній герой-побѣдитель.

Суворову отвели для житья Таврическій дворецъ. Но и среди величія и почестей Суворовъ не измѣнялъ своего обхожденія, своихъ странностей и образа жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ занималъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на торжественныхъ обѣдахъ. Императрица извиняла всѣ странности героя. Анекдоты о Суворовѣ разсказывались въ народѣ и войскѣ. Разсказывали, что на балѣ во дворцѣ Императрица спросила Суворова «чемъ подчивать васъ, Александръ Васильевичъ?»

— «Матушка,» отвѣчалъ Суворовъ; «будь милостива, вели дать водочки!»

— «Что скажутъ дамы, если отъ васъ будетъ пахнуть водкой?» замѣтила, смѣясь, Императрица.

— «Ничего матушка; онѣ увидятъ, что Суворовъ-солдатъ,» отвѣчалъ Суворовъ.

Замѣтивъ, что Суворовъ ѣздитъ зимою безъ шубы, Императрица упрекала его, почему онъ не бережетъ здоровья, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ за подарокъ и, выѣзжая во дворецъ, сажалъ съ собою въ карету слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ на Суворова при выходѣ его изъ кареты. «Не смѣю ослушатся Императрицы,» говорилъ Суворовъ, «шуба со мною, а нѣжится солдату не слѣдуетъ.»

Возвращеніе Суворова въ Петербургъ было рядомъ торжествъ; среди увеселеній, Императрица часто совѣщалась съ Суворовымъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Во Франціи продолжались безпорядки, грозившіе гибелью всѣмъ европейскимъ государствамъ. Екатерина хотѣла положить предѣлъ безначалію и всту-

пила для этого въ союзъ съ Англіею и Австріею. Суворову поручено было соединится съ Австрійцами и принять начальство надъ союзными арміями.

Весною 1796 года Суворовъ оставилъ Петербургъ и отправился въ Тульчинъ, гдѣ долженъ былъ сформировать армію изъ 100,000 человѣкъ. Мѣстечко Тульчинъ принадлежало тогда графу Потоцкому.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія, фельдмаршалъ немедленно занялся приведеніемъ въ исполненіе возложеннаго на него порученія. Почти все было готово къ выступленію въ походъ, какъ вдругъ изъ Петербурга пришло горестное извѣстіе... Екатерина II, величайшая изъ царицъ, скончалась 6-го ноября 1796 года!

Извѣстіе это произвело глубокое впечатленіе на Суворова.... Во все время панихиды, которую онъ приказалъ отслужить по этому случаю, Александръ Васильевичъ стоялъ на колѣняхъ и горько плакалъ...

Вслѣдствіе этого неожиданнаго, горестнаго событія предполагаемый походъ не состоялся.

Вступившій на престолъ Императоръ Павелъ Петровичъ, при жизни своей матери Екатерины Великой, почти все время безвыходно жилъ въ своемъ любимомъ мѣстопребываніи, мѣстечкѣ Гатчино, неподалеку отъ Петербурга. Тамъ онъ слѣдилъ за всѣми событіями, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ; тамъ же обдумывалъ онъ и свои будущія преобразованія. Цесаревичъ Павелъ сформировалъ свой собственный отрядъ, вооружилъ и обучилъ его по образцу иностранныхъ войскъ, ввелъ новое обмундированіе и строгую дисциплину. При вступленіи

своемъ на престолъ онъ вознамѣрился ввести эти преобразованія и во всемъ русскомъ войскѣ.

Такъ, въ войскѣ измѣнены были: одежда, вооруженіе ученіе, команда и раздѣленіе полковъ.

Съ благовѣніемъ вѣрноподданнаго, но откровенно высказалъ Суворовъ Императору свои мнѣнія о различныхъ нововведѣніяхъ въ войскѣ. Слова Суворова оставались безъ послѣдствій. Враги его все представляли Императору въ превратномъ видѣ, и любовь войска къ Суворову и даже самыя его странности. Суворову замѣтили даже, что его странности неумѣстны и что ими нарушается военная дисциплина. Онъ сказалъ только: «матушка Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои причуды, и я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавою. Мнѣ поздно перемѣняться!» повторялъ Суворовъ, огорчаемый безпрестанно, мелкими кознями своихъ личныхъ враговъ.

27 января 1797 года командованіе Екатеринославскимъ корпусомъ передано было генералъ-лейтенанту Беклешову, а Суворовъ былъ уволенъ отъ службы.

Повинуясь волѣ монарха, Суворовъ простился съ товарищами своими—солдатами. Его любимый Фанагорійскій полкъ былъ выстроенъ на площади. Суворовъ явился предъ полкомъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ; онъ говорилъ съ солдатами, прощался съ ними, наказывалъ имъ быть всегда вѣрными Государю, послушными начальникамъ. «Прощайте ребята, товарищи, чудо—ботатыри!» говорилъ Суворовъ. «Молитесь Богу! не пропадетъ молитва за Богомъ, а служба за Царемъ! Мы еще увидимся, мы еще будемъ драться вмѣстѣ; Суворовъ явится среди

васъ!» Солдаты плакали; Суворовъ подозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ и обнялъ его.

ПРОЩАНІЕ СУВОРОВА СЪ ВОЙСКАМИ.

Почтовая телѣжка стояла уже готовая. Суворовъ сѣлъ въ нее и тройка помчалась. Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ у него тогда небольшой домикъ. Здѣсь, на родинѣ хотѣлъ онъ жить среди семейства; но враги и тутъ не хотѣли оставить его въ покоѣ. Прощаніе съ солдатами и уединенная жизнь въ Москвѣ возбудили новыя клеветы. Въ это время вся Москва готовилась къ торжеству священнаго коронованія Государя Павла Петровича, и враги Суворова рѣшились удалить его на это время изъ древней столицы Русскаго царства. Суворову велѣно было ѣхать изъ Москвы въ деревню.

— «Сколько времени дается мнѣ на сборы?» Спросилъ Суворовъ.

— «Четыре часа,» отвѣчалъ посланный.

— «Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить Турковъ и Поляковъ сбирался я въ одинъ часъ, сказалъ Суворовъ. Онъ взялъ небольшой ящикъ съ бумагами, накинулъ на себя старый плащъ свой, простился съ домашними, и сказалъ, что онъ готовъ. У крыльца стояла дорожная карета. Суворовъ отказался сѣсть. «Для чего мнѣ карета?» говорилъ онъ. «И во дворецъ царскій ѣзжалъ я въ почтовой телѣжкѣ.» Принуждены были исполнить его требованіе. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на древнюю Москву, свою родину, гдѣ столько разъ являлся въ величіи и славѣ и гдѣ оставлялъ свою семью. Телѣга помчалась въ родное сельцо Суворова—Коншанское, гдѣ былъ еще цѣлъ старый отцовскій домъ Суворова, и гдѣ не рѣдко онъ живалъ въ дѣтствѣ.

Село Коншанское находится въ глуши лѣсовъ, среди дикихъ болотъ и озеръ, далеко отъ большой дороги, на сѣверо-востокъ отъ Боровича, уѣзднаго города Новгородской губерніи; населена она финскимъ народомъ, Корелами. Господскій домъ и садъ расположены на высокой горѣ, за садомъ находилась тогда старинная деревянная церковь. Видъ мѣста былъ мрачный и унылый, и здѣсь то поселился Суворовъ одинокій, забытый всѣми; ему строго запрещено было переписываться съ кѣмъ-бы то ни было.

Суворовъ и въ изгнаніи былъ веселъ и спокоенъ; онъ заботливо занялся постройкою двухъ небольшихъ домиковъ. Эти домики еще и до нынѣ цѣлы.

Онъ велъ прежній образъ жизни; вставалъ рано и отправлялся на сельскую колокольню звонить, слушалъ

въ церкви заутреню и обѣдню, исполнялъ должность пономаря и дьячька, пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ ходилъ онъ послѣ обѣдни на завтракъ къ священнику. Обѣдалъ всегда у себя одинъ, и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревни. Здѣсь онъ бѣгалъ и прыгалъ съ ребятишками, слушалъ сельскія и городскія новости и сплетни.

Незадолго до удаленія Суворова съ его военнаго поприща, въ Европѣ явился новый полководецъ. Въ первый разъ вся Европа услышала о знаменитыхъ побѣдахъ генерала Напалеона Бонапарте.

Быстро распространялась слава Наполеона, и Суворовъ въ своемъ уединеніи, читая извѣстія о его побѣдахъ, покачивалъ головою и говорилъ:

— «Пора, пора унять его, а то онъ далеко уйдетъ Посмотрите, какъ шагаетъ этотъ новичекъ!»

Успѣхи французовъ обезпокоивали всѣхъ европейскихъ монарховъ. Императоръ Павелъ послалъ въ Австрію воспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, но Австрійскій императоръ обратился къ Россійскому императору съ просьбою: ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову, имя котораго было славно въ Европѣ!... Его побѣды надъ Турками, штурмъ Измаила, покореніе Варшавы были тогда еще въ свѣжей памяти.

Однажды Александръ Васильевичъ, возвращаясь домой съ прогулки съ изумленіемъ увидѣлъ у крыльца своего дома курьерскую тройку. Курьеръ, присланный отъ Императора Павла Петровича, подавъ ему запечатанный пакетъ, сказавъ:

— «Отъ Государя Императора.»

Императоръ Павелъ I-й писалъ къ Суворову:

«Графъ Александръ Васильевичъ!

«Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго «Богъ проститъ. Австрійскій императоръ требуетъ васъ «въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу «Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а «ваше—спасти ихъ! Поспѣшите пріѣздомъ сюда, и «не отнимайте у славы вашей—время, а у меня удо- «вольствія васъ видѣть. Пребываю къ вамъ доброже- «лательнымъ.

Павелъ.»

Съ невыразимою радостью поцѣловалъ Суворовъ этотъ рескриптъ; тотчасъ же велѣлъ онъ отслужить молебенъ, и готовясь къ новымъ воинскимъ подвигамъ, сталъ немедленно собираться въ дорогу.

Онъ тотчасъ отдалъ приказъ старостѣ: «часъ соби- «раться, другой отправляться; поѣздка съ четырьмя «товарищами: я въ повозкѣ, они въ сапяхъ. Лошадей «восемнадцать, а не двадцать четыре.—Взять на до- «рогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать къ «старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму по- «вѣрилъ, потому что я ѣду не на шутку. Да я же «служилъ за дьячка, пѣлъ басомъ а теперь поѣду «пѣть Марсомъ (*).

Въ первыхъ числахъ февраля, по дорогѣ къ Петер- бургу, мчалась почтовая кибитка, а въ ней сидѣлъ сѣдой старичекъ. Кибитка остановилась у Зимняго

(*) У язычниковъ-Римлянъ Марсъ почитался, богомъ войны.

Дворца. Черезъ часъ всѣ въ Петербургѣ узнали уже, что Суворовъ пріѣхалъ. Съ восторгомъ услышали войска вѣсть о пріѣздѣ фельдмаршала, всѣ поздравляли, привѣтствовали взаимно другъ друга; казалось, пріѣздъ Суворова уже ручался за будущія побѣды. Суворовъ со слѣзами преклонилъ колѣни предъ Импе-

ПРОСЬБА СУВОРОВА.

раторомъ. Павелъ спѣшилъ поднять его, поцѣловалъ и крѣпко обнялъ престарѣлаго героя.

Милостью и ласкою Императоръ хотѣлъ наградить

Суворова за потерпѣнныя имъ страданія. Онъ самъ надѣлъ на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.—«Боже, спаси Царя!..» воскликнулъ Суворовъ.—«Тебѣ спасать Царей!» отвѣчалъ Императоръ.—«Съ тобою, государь, можно!» отвѣчалъ Суворовъ.

Первою просьбою Суворова Императору была просьба о наградѣ чиновника, бывшаго съ нимъ въ деревнѣ. Императоръ наградилъ чиновника и перевелъ сына его въ гвардію офицеромъ. Второю просьбою было прощеніе капитана Сипицкаго, сосланнаго въ Сибирь, за котораго умоляла заступиться несчастная мать. Императоръ простилъ его. Суворовъ просилъ не объявлять въ приказахъ о вступленіи его на службу: «я не переставалъ служить вамъ, государь.» такъ говорилъ Суворовъ.

Съ молитвой отправился герой на поприще славы.

Не смотря на желаніе Александра Васильевича въѣхать въ Вѣну скромно и безъ торжественныхъ встрѣчь, его съ восторгомъ встрѣтила многочисленная толпа народа и провожала до дома русскаго посланника.

—«Да здравствуетъ Суворовъ!» кричалъ народъ.

— «Да здравствуетъ Императоръ Францъ II,» отвѣчалъ герой.

Австрійскій Императоръ принялъ Суворова съ особеннымъ уваженіемъ и возвелъ его въ званіе фельдмаршала Австрійскихъ войскъ. Суворовъ явился потомъ въ полное собраніе министровъ, выслушалъ ихъ предположенія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Александръ Васильевичъ слушалъ молча, разсматривая карту Европы.

Министры надѣялись, что Суворовъ самъ заговоритъ, но видя молчаніе его, рѣшились наконецъ спросить:

— «Какъ вы, фельдмаршалъ, будете дѣйствовать?»

— «Какъ?... Очень просто!» отвѣчалъ Суворовъ. «Цѣль моя идти къ Парижу!... Бить врага вездѣ, дѣйствовать въ одно время на всѣхъ пунктахъ: умно, разумно, скоро, рѣшительно, свободно, съ усердіемъ! Въ военныхъ дѣлахъ, что день, то новая перемѣна; стало быть частныя предположенія тутъ не у мѣста, и впередъ предвидѣть ничего нельзя. Одно лишь возможно: бить и гнать врага, не давая ему ни минуты отдыха... Но для этого нужно имѣть полную свободу дѣйствовать; тогда только съ помощію Божію можно достигнуть успѣха, въ чемъ я и ручаюсь.»

Но военный совѣтъ Австрійцевъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Первый министръ Франца II-го, Тугутъ настоятельно требовалъ плановъ отчетливыхъ. Суворовъ отговаривался шуткою, что до мѣстнаго личнаго обозрѣнія ничего рѣшить не можетъ.

— «Неужели вы не имѣете своего опредѣленнаго плана?» говорилъ ему Тугутъ.

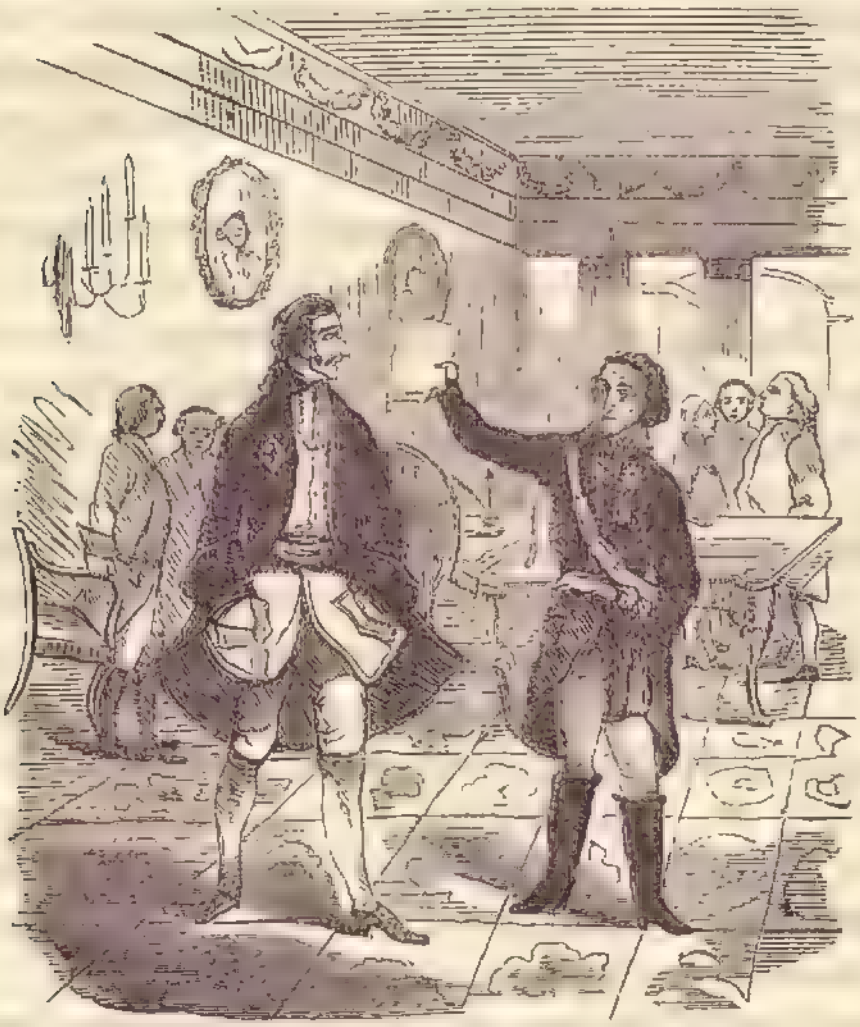
— «Плана?» возразилъ ему недовольный Суворовъ «а вотъ мой планъ!»

И съ этими словами Александръ Васильевичъ развернулъ бланкетъ Императора Павла I.

Требованія Австріяковъ до того надоѣли Суворову, что онъ съ досадой оставилъ Вѣну и по приказанію Императора Павла отправился въ Италію, гдѣ уже находились войска.

Русская армія съ восторгомъ встрѣтила своего любимаго полководца; въ австрійской же арміи было

много старыхъ солдатъ, которыи познакомились съ Суворовымъ и полюбили его еще въ Турціи, гдѣ они находились подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Сол-



СУВОРОВЪ ПОКАЗЫВАЕТЪ БЛАНКЕТЪ.

даты обѣихъ армій ожили духомъ; каждый считалъ себя непобѣдимымъ подъ начальствомъ непобѣдимаго Суворова.

Пріѣхавъ въ Верону *), гдѣ находилась вспомога-

*) Городъ въ сѣверной части Италіи.

тельная русская армія, Суворовъ остановился въ приготовленномъ для него богато убранномъ, домѣ.

Вскорѣ пріемная комната наполнилась русскими и австрійскими генералами, городскими чиновниками, духовенствомъ и знатнѣйшими лицами города.

Прошло нѣсколько минутъ и, наконецъ, изъ смежной комнаты вышелъ Александръ Васильевичъ и поклонился всѣмъ.

Выслушавъ рѣчи знатнѣйшихъ сановниковъ, онъ произнесъ твердымъ голосомъ:

— «Милосердый мой государь, Павелъ Петровичъ, Императоръ Русской земли, и Австрійскій Императоръ Францъ прислали меня выгнать изъ Италіи Французовъ, возстановить у васъ и во Франціи тишину, защищать права и искоренить нечестивыхъ. Прошу васъ, ваше высокопреосвященство,» продолжалъ Александръ Васильевичъ, обращаясь къ католическому архіепископу, «молитесь Господу Богу за царей, за насъ и за все христолюбивое воинство! А вы»—прибавилъ онъ, обращаясь къ чиновникамъ и вельможамъ, «будьте вѣрны, и Богу, и государевымъ законамъ, и помогайте намъ всею душею!»

Сказавъ это, Суворовъ поклонился и ушелъ.

Мало по малу большая часть изъ присутствующихъ удалились, остались одни русскіе генералы и нѣсколько Австрійцевъ. Тогда Суворовъ опять вышелъ въ пріемную залу, окинулъ всѣхъ взглядомъ, поклонился, зажмурилъ глаза и потомъ, обратясь къ временному начальнику русскихъ войскъ, генералу Розенбергу, сказалъ:

— «Ваше высокопревосходительство! познакомьте-же меня съ господами генералами.»

Розенбергъ сталъ представлять всѣхъ присутствующихъ, называя каждаго изъ нихъ по имени.

Александръ Васильевичъ стоялъ на вытяжку, съ закрытыми глазами; услыхавъ незнакомую фамилію, онъ открывалъ глаза, осматривалъ представляемаго съ ногъ до головы, кланялся и говорилъ:

— «Помилуй Богъ, не слыхалъ! Познакомимся.

Наконецъ, когда послѣдніе младшіе начали представляться, Розенбергъ сказалъ:

— «Генералъ-маіоръ Меллеръ Закомельскій!»

— «А, помню!» сказалъ Суворовъ; не Иванъ-ли?

— «Точно такъ, Ваше Сіятельство!»

Суворовъ открылъ глаза, ласково поклонился и сказалъ:

«Послужимъ, побьемъ французовъ! намъ будетъ честь и слава?»

— «Генералъ-маіоръ Милорадовичъ» продолжалъ Розенбергъ.

— «А! Это ты Миша!.. Михайло!» вскричалъ Суворовъ.

— «Я, Ваше Сіятельство!»

— «Я зналъ васъ вотъ такимъ» — сказалъ Суворовъ, показывая рукою на аршинъ отъ пола; «какъ теперь помню! вы и тогда славно рубили деревянною саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой!»

— «Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ», проговорилъ Розенбергъ.

Александръ Васильевичъ встрепенулся, и, открывъ глаза, спросилъ:

— «Князь Петръ? Это ты!... Помнишь ли, какъ

мы вмѣстѣ были подъ Очаковымъ, воевали съ Турками; были вмѣстѣ въ Польшѣ!»

Съ этими словами Суворовъ обнялъ Багратіона и поцѣловалъ его.

На другой день, въ десять часовъ утра, князь Багратіонъ двинулся въ походъ съ своимъ отрядомъ. Вперевые звуки русской пѣсни, пропѣтой хоромъ, разнеслись по горамъ и долинамъ Италіи.

Радостно шли въ походъ русскіе солдаты. Казалось, что великій Суворовъ однимъ своимъ присутсвіемъ оживилъ и укрѣпилъ все войско! Ни чувствуя ни малѣйшей усталости, они прошли безъ отдыха верстъ сорокъ.

Во всю дорогу толпы Итальянцевъ встрѣчали и провожали воиновъ. Имъ кланялись, осматривали ихъ съ ногъ до головы и восклицали:

— «Русскіе, да здравствуютъ Русскіе!»

Многіе вмѣшивались въ ряды солдатъ, здоровались, жали имъ руки подчивали ихъ виномъ, хлѣбомъ и табакомъ.

Такъ радостно встрѣчали въ Италіи Русскихъ. Семидесятилѣтній герой Суворовъ началъ военныя дѣйствія съ быстротою. Отрядивъ часть войскъ для овладѣнія крѣпостями, находившимися во власти французовъ, Суворовъ самъ пошелъ противъ непріятельской арміи, бывшей подъ начальствомъ генерала Моро.

Пока Багратіонъ и Милорадовичъ разбивали отдѣльные корпуса Французовъ, Суворовъ разбилъ Моро, двинулся къ Милану и занялъ этотъ городъ.

Въ Миланѣ нѣкоторые австрійскіе генералы просили Суворова дать отдыхъ войску, но онъ отвѣчалъ имъ

словомъ: «впередъ!» Въ Миланѣ Суворовъ пробылъ только четыре дня. Послѣ чего снова продолжалъ бить и тѣснить врага, отнимать у него крѣпости и занялъ городъ Туринъ; *) при входѣ героя въ соборной храмъ этого города, католическое духовенство благословило его по образу Грекороссійской церкви. Городскія сословія Турина поднесли Суворову шпагу, осыпанную брилліантами, а по прошествіи нѣкотораго времени онъ удостоился получить рескриптъ отъ Императора Павла.

«Графъ Александръ Васильевичъ,» такъ писалъ Императоръ, «въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ «одной побѣдѣ, въ другой—о трехъ побѣдахъ, а теперь «прислали списокъ взятыхъ городовъ и крѣпостей. «Побѣда предшествуетъ вамъ повсемѣстно, и слава «сооружаетъ въ самой Италіи, памятникъ вѣчный «подвигамъ вашимъ. Освободите отъ ига неистовыхъ «раззорителей, а у меня за ваши подвиги воздаяніе «для васъ готово. Прощайте, Богъ съ вами! пребы- «ваю къ вамъ благосклонный. Павелъ.»

Не смотря на блистательныя побѣды Суворова, многія изъ распоряженій его не были одобрены Австрійскимъ императоромъ, по наговорамъ министра Тугута. Суворовъ безпрестанно встрѣчалъ затрудненія и препятствія, которыя однакоже не останавливали его. Онъ продолжалъ дѣйствовать съ прежнимъ успѣхомъ.

Во время утомительныхъ походовъ, Суворовъ находилъ полезнымъ чѣмъ нибудь особо развлекать войско. Такъ, при движеніи русскаго отряда на встрѣчу фран-

*) Одинъ изъ значительныхъ городовъ Итальянскаго королевства.

цузскаго полководца, Магдональда, Александръ Васильевичъ отдалъ строжайшій приказъ, чтобы войско во время похода выучило двѣнадцать французскихъ словъ, собственноручно написаныхъ Суворовымъ, и впредстоящемъ сраженіи, поражая враговъ, кричало имъ по французски: «сдавайтесь, сдавайтесь! да здраствуетъ король Франціи и проч.»

— «Князь Петръ!» говорилъ Суворовъ Батратіону, вручая ему написанныя двѣнадцать французскихъ словъ, «смотри, чтобы всѣ выучили напзустъ; буду спрашивать.»

И вотъ, какъ только солдаты начали уставать, то фельдфебеля и всѣ грамотные унтеръ-офицеры и многіе офицеры наперерывъ повторяли солдатамъ слова, написанныя Суворовымъ. Всѣ собирались къ читающимъ, слушали, шли, забывая усталость, и затверживали напзустъ, дабы не показатся немогузнайками предъ отцемъ своимъ Александромъ Васильевичемъ.

Трехдневная, 17, 18 19-го іюня 1799 года, знаменитая битва при Требіи прославила Суворова и русское оружіе.

17-го іюня, Магдональдъ, полагая, что Суворовъ находится около Турина, напалъ на союзныя войска въ намѣреніи разбить ихъ. Но Суворовъ былъ при войскахъ, онъ слѣдилъ за Магдональдомъ и налетѣлъ на него какъ снѣгъ на голову. Съ 3-хъ часовъ дня до 9-ти вечера длилась упорная битва. Французы мужественно отстаивали свою позицію, но въ 9 часовъ были оттѣснены къ р. Требіи, потерявъ при этомъ до 1000 человѣкъ.

На другой день Магдональдъ, все еще расчитывая

на побѣду, снова началъ битву и выслалъ противъ русскихъ войскъ сильную колонну. Колонна эта, подъ прикрытіемъ дружной пальбы съ своихъ батарей, перешла за р. Требію и, опрокидывая все на пути, стремительно ударила въ средину русской линіи, такъ что русскіе невольно попятились назадъ, а французы все шли впередъ и наносили смерть въ рядахъ Русскихъ. Казалось, французы уже торжествовали свою побѣду надъ русскими.

Но у Суворова выиграть побѣду было не только трудно, но не возможно! Во время этой битвы Александръ Васильевичъ находился на лѣвомъ крылѣ сражавшейся линіи,—онъ направлялъ въ бой Австрійцевъ. Лишь только узналъ онъ, что часть войска нашего отступаетъ, то мигомъ поскакалъ къ отступающимъ, врѣзался въ средину ихъ и разъѣзжая по рядамъ, кричалъ: заманивайте! шибче!...шибче заманивайте!... бѣгомъ!» и вмѣстѣ съ другими и самъ отступалъ. Такъ русскіе отступили шаговъ на полтораста, но увидѣвъ Суворова, солдаты уже ободрились, и хотя и отступали, но шагъ за шагомъ, и мужественно отбивались отъ непріятелей, при чемъ положили не мало французовъ.

— «Стой! вдругъ вскрикнулъ Суворовъ и линія отступающихъ мигомъ остановилась; въ тоже мгновеніе скрытая по приказанію Суворова батарея выдвинулась и неожидано брызнула французамъ картечью и ядрами. Ошеломленные французы поколебались и остановились.

— «Впередъ!... Впередъ!... въ штыки!... Ура!!...» крикнулъ Суворовъ и бросился съ войскомъ на непріятеля, пользуясь его замѣшательствомъ.

Суворовъ былъ впереди всѣхъ. Казаки и три бата-

льона гренадеръ и егерей двинулись впередъ и французы были смяты; поражаемые штыками и копьями, они усѣяли своими трупами все мѣсто боя. Уронъ непріятеля 1-8го іюня былъ огромный. Изъ одной пятитысячной колонны непріятельской едва половина спаслась бѣгствомъ; остальные были или заколоты штыками, или взяты въ плѣнъ.

Такъ кончилась битва 18-го іюня. Въ этотъ день Суворовъ показалъ, какъ хорошо онъ зналъ русскаго солдата, какъ онъ умѣлъ водить его къ побѣдамъ, тамъ, гдѣ, казалось, что должна была быть неминуемая гибель!

19 іюня, Магдональдъ все еще надѣялся выиграть сраженіе и снова началъ битву въ 9-мъ часу утра. Онъ напрягалъ всѣ свои силы противъ Русскихъ, оставляя противъ Австрійцевъ гораздо меньшую часть своей арміи. Ожесточенное сраженіе началось одновременно на всѣхъ пунктахъ, и вскорѣ въ войскахъ Суворова стала оказываться значительная убыль убитыми и ранеными, и при всемъ томъ Русскіе не уступали французамъ ни шагу. Въ 5 часовъ вечера бой еще длился; войска сильно были утомлены, но личное присутствіе Суворова, разъѣзжающаго по рядамъ боевой линіи, одушевляло войска, возбуждая въ каждомъ воинѣ непобѣдимую храбрость, стойкость и отвагу.

Часовъ около пяти Александръ Васильевичъ съ возвышенной мѣстности слѣдилъ за общимъ ходомъ боя; онъ слѣзъ съ лошади, прислонился спиною къ огромному камню и, выслушивая донесеніе отъ генерала Розенберга, былъ видимо недоволенъ и, обратясь къ Розенбергу, сказалъ:

— «Ваше высокопревосходительство! Андрей Григорьевичъ!.. Сдвиньте этотъ камень, вотъ этотъ, къ которому я теперь прислонился!..»

Розенбергъ молчалъ.

— «Не можете?... А?.. Ну такъ, стало, также не можно, чтобы —помилуй Богъ!—и Русскіе отступали. Ступайте;—помилуй Богъ,—ступайте—держитесь крѣпко!.. бейте!.. гоните, смотрите на право!.. а иначе—помилуй Богъ, вамъ будетъ худо!!.. Мы русскіе».

Едва Розенбергъ отъѣхалъ, какъ Суворовъ, обратясь къ одному адъютанту, приказывалъ.

— «Ступайте шибко къ Меласу; скажите ему, что бы всѣми силами въ колоннахъ билъ врага въ средину, а запасы за собою близко... шибко, прямо билъ бы непремѣнно,—помилуй Богъ!—билъ-бы насквозь французовъ!... конница наблюдастъ, часть ея, налетая быстро впередъ — рубитъ!.. штыки!!.. ты тамъ будь, смотри!»

Отдавъ всѣмъ приказы, Суворовъ обратился къ князю Багратіону, только что прискакавшему къ Суворову съ донесеніемъ.

— «Ну, что, Петръ?... какъ?»

— Худо, ваше сіятельство; силы убываютъ; ружья плохо стрѣляютъ; непріятель силенъ...»

— «Помилуй Богъ!—это не хорошо, князь Петръ! Живо! Лошадь! Поѣдемъ вмѣстѣ. И семидесятилѣтній старецъ такъ поспѣшно сѣлъ на коня и быстро помчался къ линіи князя Багратіона, что забылъ даже надѣть мундиръ, который минутно снялъ изъ за страшной жары. За Суворовымъ несся полкъ казаковъ, а за ними вслѣдъ спѣшилъ въ дѣло батальонъ егерей. Едва

Суворовъ и Багратіонъ въѣхали на линію, какъ подоспѣвшіе казаки и егеря ударили на непріятеля. Неожиданная атака эта совершила какъ бы чудо! Войска наши ободрились, бѣглый огонь нашъ усилился; Александръ Васильевичъ велѣлъ ударить сборъ—и вслѣдъ за тѣмъ, въ одно мгновеніе ока, солдаты строились уже въ грозныя колонны къ атакѣ.

Суворовъ въ дѣлѣ при Требіи.

— «Князь Петръ» сказалъ Суворовъ Багратіону, «теперь ударимъ! и прогонимъ!.. и тѣмъ довершимъ побѣду надъ врагами!»

— «Впередъ!» скомандовалъ Суворовъ.

И вся линія князя Багратіона двинулась бодро на непріятеля. Вмигъ французы были сбиты съ мѣста, оп-

рокинуты штыками, копьями и не много ихъ спаслось отъ смерти.

Но этимъ битва еще не кончилась. Предъ закатомъ солнца Магдональдъ двинулъ колонну изъ трехъ тысячъ солдатъ, не бывшихъ еще въ дѣлѣ, противъ линіи князя Багратіона. Свѣжая колонна эта потѣснила русскихъ и отняла у нихъ австрійскую батарею. Но въ это мгновеніе, когда Французы, тѣсня Русскихъ, казалось, уже торжествовали, прискакалъ Суворовъ—и скрытая русская батарея открыла по непріятелю жестокій огонь. Непріятель поколебался и сталъ. Александръ Васильевичъ, улучивъ эту минуту, скомандовалъ: «впередъ!» Ударъ Русскихъ въ штыки, грудь на грудь опрокинулъ врага. Много тутъ пало и Французовъ и Русскихъ... Но вотъ настала тишина. Непріятель, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, старался быстро уходить изъ подъ выстрѣловъ нашихъ! Бой прекратился. Суворовъ созвалъ всѣхъ генераловъ и поздравилъ ихъ съ побѣдою говоря:

— «Скажите всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, всѣмъ начальникамъ, всѣмъ солдатамъ мое большое спасибо!.. Поосвѣжиться! поустроить! примѣчать! Завтра дадимъ послѣдній урокъ Магдональду... Раненымъ помощь!.. Князь Петръ! Стереги! и смотри!»

Суворовъ готовился къ новому бою; но Магдональдъ не дождался послѣдняго урока Суворовскаго; въ полночь онъ тихо снялся и бѣжалъ съ остатками разбитой арміи на Нуру. Магдональдъ былъ раненъ въ бою 19-го іюня и его носили въ качалкѣ. Уронъ непріятеля былъ страшный. Изъ 34.000 человѣкъ Французовъ потеря была: 18,000, въ томъ числѣ 6,000 убитыми

и 12,000 плѣнными. Пушекъ досталось побѣдителямъ 6, знаменъ 7. Потеря союзныхъ войскъ была: 2,900 человѣкъ Русскихъ и 2,150 человѣкъ Австрійцевъ убитыми и ранеными.

Таковъ былъ славный трехдневный бой Суворова при р. Требіи!

Извѣстіе о Требійской побѣдѣ быстро пронеслось въ Петербургъ, Вѣну и Лондонъ. При благодарственномъ молебствіи въ Петербургѣ по случаю побѣды, провозглашено было по повелѣнію Императора, многолѣтіе *высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову Рымникскому*. Сынъ Суворова, бывшій въ церкви, заплакалъ отъ радости, упалъ на колѣни предъ Императоромъ, говоря:

— «Простите, ваше Величество!»

— «Хвалю за любовь къ отцу», отвѣчалъ Императоръ, назначаю тебя генералъ-адъютантомъ (онъ былъ камеръ-юнкеромъ), поѣзжай къ отцу и учись у него побѣждать враговъ!» Посылая Суворову портретъ свой въ перстнѣ, осыпанномъ бриліантами, Императоръ писалъ: «примите его въ свидѣтельство дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ вашей, поражающей врага». Суворовъ имѣлъ безпрерывныя свидѣтельства Монаршаго въ нему благоволенія. Въ письмахъ императора къ Суворову мѣстами встрѣчаются такія выраженія: «Бейте Французовъ, а мы будемъ вамъ бить въ ладоши и молиться Богу» Побѣда предшествуетъ вамъ повсюду и слава сооружаетъ въ Италіи вѣчный памятникъ подвигамъ вашимъ«.—«Слава Богу, слава вамъ! скажу вашими словами, писалъ Императоръ послѣ Требійской битвы. Воинъ непобѣдимый!» писалъ Суворову графъ Растоп-

чинъ, «герои любятъ истину, вотъ она: вами славится Россія и избавляется Европа. Горжусь, что я землякъ вашъ!

Между тѣмъ, австрійскій военный совѣтъ продолжалъ дѣлать затрудненія Суворову, такъ что онъ принужденъ былъ наконецъ жаловаться своему Государю.

Успѣхи Суворова озаботили Французское правительство. Начальство надъ арміей ввѣрено было молодому Жуберту, который поклялся побѣдить Суворова или умереть.

Въ ночь со второго на третье августа, русскія войска провели безъ сна, въ ожиданіи сраженія съ французами; изрѣдка только тишина была прерываема ружейными выстрѣлами въ горахъ.

Разсвѣло. Нигдѣ не видно было никакихъ приготовленій къ бою. Только около полудня появились кое гдѣ на горахъ отдѣльные отряды французовъ. Мало по малу они увеличились. Между тѣмъ, въ русскомъ лагерѣ также замѣтно было нѣкоторое движеніе.... Александръ Васильевичь Суворовъ объѣзжалъ войска, здороваясь съ своими солдатами.

— «Чудо-богатыри,» говорилъ Суворовъ; «вотъ видите ли, врагъ-то гнѣздится на горахъ?.. Милости просимъ къ намъ!.. Дружно!... Другъ, другу подсобляй.. Пальбой много не заниматься... Штыкъ молодецъ!... Бей скоро, шибко, проворно!.. Штыки!... штыки!... повинnаго не убивать.. Грѣхъ!

Русскіе были готовы къ бою, но движенія все еще не было никакого.

Такъ прошелъ еще день. Передовые отряды французовъ спускались съ горъ; Русскіе подавались тихо на-

задъ, заманивая непріятеля къ боевой линіи, расположенной въ долинѣ.

Ночь прошла спокойно; но 4-го числа, въ третьемъ часу утра началась сильная перестрѣлка, которая продолжалась не долго, и потомъ все стихло. Обѣ стороны находились въ выжидательномъ положеніи и не предпринимали ничего рѣшительнаго до 14-го числа; наконецъ 15-го числа въ 3-мъ часу утра, съ зарею, на правомъ крылѣ союзной арміи завязалась перестрѣлка, все сильнѣе и сильнѣе, а при мѣстечкѣ Нови разгорѣлось сраженіе. Непріятель стоялъ твердо, пользуясь мѣстностью. Опрокинуть его не было никакой возможности. Замѣтивъ, что русское войско утомилось битвою, Французы быстро напали на него и заставили отступить.

Самъ Жубертъ повелъ въ штыки свое войско, ободряя солдатъ, но въ это мгновеніе пуля поразила его. Онъ палъ какъ герой и послѣдніе слова его были:

—«Впередъ! впередъ!»

Но и со смертію генерала Жуберта битва продолжалась съ тѣмъ-же ожесточеніемъ, какъ и въ началѣ. Уже было далеко за полдень; Русскіе воины почти выбились изъ силъ; ротъ запекался отъ солнечнаго жара; освѣжиться было нечѣмъ, такъ какъ воды поблизости не было. Вдругъ изнемогавшіе ратники услышали, что на лѣвомъ крылѣ союзной арміи открылась сильная ружейная и пушечная пальба. Солдатики перекрестились. Это Австрійцы вступили въ бой, по приказанію Суворова; тогда по всей линіи начался неумолкаемый смертный огонь. Русскіе пошли впередъ, били и тѣснили врага и къ 9 часамъ вечера врагъ во

всѣхъ мѣстахъ былъ сбитъ и бѣжалъ по горамъ; часть войскъ преслѣдовала его, била штыками и пускала въ догонку залпы выстрѣловъ изъ ружей. Ночь прекратила бой при Нови, ознаменовавшій безпримѣрную храбрость Русскихъ воиновъ. Солдаты отодвинулись къ рѣкѣ, расположились бивуакомъ и во всемъ отрядѣ стали готовить варку.

Суворовъ послѣ знаменитой битвы при Нови.

Часъ спустя, Суворовъ, опираясь на свою палочку, обходилъ уже бивуакъ, навѣщалъ больныхъ и раненыхъ, любовался какъ солдатики, оправившись, забыли всякую усталость; почти треть отряда копошилась въ рѣкѣ, кто мылъ бѣлье, а кто купался или ловилъ рыбу. Тутъ-же Суворовъ пробовалъ варку изъ котловъ

почти во всѣхъ полкахъ, какъ у Русскихъ, такъ и Австрійцевъ, подхваливая, шутя, съ солдатами.

Императоръ Павелъ, получивъ донесеніе о битвѣ при Нови, писалъ Суворову:

«Князь Александръ Васильевичъ! Я получилъ извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ генераломъ Жубертомъ. Радъ весьма, а тѣмъ больше, что убитыхъ немного и что вы здоровы. Не знаю, что пріятнѣе: вамъ-ли побѣждать, или мнѣ награждать за побѣды! Но мы оба исполняемъ должное: я, какъ Государь,— а вы какъ первый полководецъ въ Европѣ. Я не знаю уже, что вамъ давать, потому что вы поставили себя свыше награжденій. Достойному—достойное. Прощайте князь! Живите и побѣждайте Французовъ, которые имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе его».

Военная почесть, о которой Императоръ упоминаетъ въ этомъ письмѣ, состояла въ томъ, что Государь повелѣлъ гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ отдавать Суворову, даже въ присутствіи своемъ, всѣ воинскія почести, отдаваемыя Особѣ Его Императорскаго Величества.

Король Сардинскій возвелъ Суворова въ званіе главнокомандующаго фельдмаршала сардинскихъ войскъ, съ титуломъ и степенью братьевъ королевскихъ и грандовъ Сардиніи. Эта награда Суворову, весьма обрадовала Императора Павла. «Радуюсь, что вы мнѣ дѣлаетесь роднею, писалъ Императоръ; «ибо всѣ владѣтельныя особы между собою роднею почитаются».

Замѣчательная битва при Нови 15-го августа 1799 была послѣднею битвою Русскихъ за освобожденіе Ита-

ліи отъ Французовъ. Этою битвою окончен былъ знаменитый походъ Суворова 1799 года, въ которомъ союзныя войска, подъ начальствомъ Суворова, выиграли десять сраженій, пріобрѣли 200-ти тысячъ ружей, 80-ть тысячъ плѣнныхъ, и овладѣли 25-ю крѣпостями съ тремя тысячами артиллерійскихъ орудій. Дѣйствія Суворова въ Италіи продолжались бы и далѣе, съ такимъ же успѣхомъ, если бы вскорѣ послѣ Новійской битвы Императоръ Павелъ не призналъ необходимымъ послать Суворова въ Швейцарію, куда, по оплошности Австрійскихъ генераловъ, французы успѣли ввести до 70-ти тысячъ войска.

Вѣсть объ удаленіи Русскихъ изъ Италіи привела въ уныніе, жителей Піемонта и Ломбардіи, которыхъ Русскія войска защищали съ такимъ самоотверженіемъ. Оставляя Италію, Суворовъ простился съ Австрійскими войсками и въ приказѣ своемъ писалъ: «Никогда я не забуду воиновъ побѣдоносныхъ, содѣлавшихъ меня побѣдителемъ».

Вскорѣ Русскіе чудо-богатыри вступили въ Швейцарію. Съ изумленіемъ глядѣли они на исполинскія Альпійскія горы, покрытыя вѣчными снѣгами. Горныя дороги были затруднительны для движеній отряда и съ каждымъ почти шагомъ впередъ трудности увеличивались все болѣе и болѣе. Не смотря на то, Суворовъ неутомимо продолжалъ идти впередъ, спѣша къ городу Белинцо, къ подошвѣ горы Сен-готардъ, гдѣ, по увѣренію Австрійскаго фельдмаршала, были выставлены мулы, которыми Австрійцы обязались снабдить Русскія войска, для подвоза орудій и провіанта. Александръ Васильевичъ совершилъ этотъ переходъ въ шесть дней,

тогда какъ для этого нужно было, по крайней мѣрѣ, восемь дней. У Сен-готарда Суворовъ не нашелъ обѣщанныхъ муловъ. Пять дней прождалъ онъ ихъ здѣсь, обнадеживаемый Австрійскими коммиссіонерами, но тщетно. Тогда, не желая долѣе терять напрасно времени, фельдмаршалъ Суворовъ, по совѣту Великаго Князя Константина Павловича, спѣшилъ большую часть казаковъ, находившихся при арміи и употребилъ казачьихъ лошадей для перевозки горной артиллеріи и продовольственныхъ запасовъ. Армія имѣла при себѣ десяти-дневный запасъ провіанта и небольшое количество зернового фуража; число вьюковъ простиралось вообще до двухъ тысячъ. Спѣшенные же казаки назначены были для службы на передовыхъ постахъ, для прикрытія вьючнаго обоза и для дѣйствія въ разсыпномъ строю вмѣсто легкой пѣхоты. Силы нашей арміи, при выступленіи къ Сен-готарду, простирались до 16,000 пѣхоты и до 3,000 казаковъ; а съ нестроевыми всего до 23,000.

Погода была осенняя, непастная, но солдаты наши не упадали духомъ,—Суворовъ одушевлялъ ихъ.

— Вотъ тамъ, говорилъ онъ, указывая на горы,— тамъ безбожники французы; мы будемъ бить ихъ по-русски!.. Правда, горы высоки,—есть пропасти, есть водотоки, но мы ихъ перейдемъ, перелетимъ! Мы Русскіе!.. Богъ насъ водитъ. — Когда полѣземъ на горы, одни стрѣлки стрѣляй по головамъ врага... Стрѣляй рѣдко, да мѣтко!.. А прочіе шибко въ разсыпную! Взлѣзли: — бей, коли, гони, да не давай отдыху!.. Просящихъ—пощади! Грѣхъ напрасно убивать!—Вездѣ фронтъ. Помилуй Богъ, мы русскіе! Богу молимся:

Онъ намъ и помощникъ. Царю служимъ: онъ на насъ и надѣется, и насъ любитъ, и насъ наградитъ словомъ ласковымъ... Чудо-богатыри, чада Павловы! Кого изъ насъ убьютъ: царство небесное! Церковь Бога молитъ. — Останемся живы: намъ честь, намъ слава! слава! слава!..

— Рады стараться!.. Веди насъ, отецъ нашъ! Веди, веди!.. Идемъ!.. Ура!! отвѣчали воодушевленные ратники.

И смѣло, бодро шли Русскіе за своимъ отцомъ-полководцемъ.

Въ то время, какъ Суворовъ съ своими войсками подходилъ къ Сен-готарду, французскія войска уже расположились на Сен-готардѣ, такъ что занимали всю мѣстность на главномъ пути въ Швейцарію и готовы были упорно сопротивляться. По Русскихъ ничто не останавливало; съ ними былъ Суворовъ!.. То пробирались они, по узенькимъ тропинкамъ, на высочайшія горы; то, по обрывамъ, спускались въ глубочайшія пропасти; шли иногда гдѣ и вовсе не было дороги; приходилось проходить быстрыя рѣки, находясь по поясъ въ водѣ. И во все время переходовъ, дождь лилъ ливмя; ночи были темныя; сильный, холодный вѣтеръ дулъ съ сѣвера, и уныло, страшно завывалъ въ узкихъ ущельяхъ горъ. Солдаты шли молча, и, только по временамъ, слышенъ былъ вздохъ и крестились солдаты когда несчастный товарищъ, выбившись изъ силъ, или поскользнувшись, безслѣдно исчезалъ въ бездонной пропасти... Наконецъ солдаты обрадовались какъ празднику, встрѣчѣ съ непріятелемъ лицомъ къ лицу, 13-го сентября.

Александръ Васильевичъ Суворовъ, не смотря на то,

Суворовъ на Сенъ-Готардѣ.

что французы были многочисленнѣе и что подошвы башмаковъ ихъ были подбиты гвоздями, остріями внизъ, отчего французы могли твердо держаться даже на скользскихъ скалахъ,—герой Суворовъ, не дожидаясь появленія боковыхъ колоннъ на флангахъ непріятельской позиціи, аттаковалъ французовъ съ фронта. Войска дивизіи Ферстера, долженствовавшія преодолѣть подъ огнемъ французскихъ стрѣлковъ, чрезвычайныя мѣстныя затрудненія, и еще неуспѣвшія ознакомиться съ дѣйствіями въ горной странѣ, потеряли при этой, нѣсколько разъ повторенной аттакѣ, до 1,200 человѣкъ. Войска наши, подойдя къ неприступнымъ горамъ Швейцаріи, до того изумились громадности Альпійскихъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, что остановились, недоумѣвая въ возможности пройти такія горы. Тогда Суворовъ, обратясь къ солдатамъ, потребовалъ, чтобы тѣ изъ солдатъ, которые не рѣшаются идти съ нимъ, зарыли бы его, Суворова, у подошвы этихъ высотъ; Суворовъ говорилъ солдатамъ: «вы безславите мои сѣдины. Я водилъ васъ къ побѣдамъ, но теперь «здѣсь похороните меня; вы болѣе не дѣти мои, а я болѣе не отецъ вамъ; мнѣ ничего не остается ожидать, кромѣ срама за васъ и смерти». Раздумье солдатъ было минутное, солдаты, поняли недостойный свой поступокъ и справедливое негодованіе своего военачальника, своего милостиваго отца и благодѣтеля, бросились впередъ, говоря: «веди насъ, веди насъ, отецъ нашъ!» Въ это-то время,—когда войска правой колонны двинулись чрезъ горы, до того времени считавшіяся неприступными, и обойдя источники рѣчки Соренціи, направились къ Госпиталю,—Александръ Васильевичъ Суворовъ быстро восполь-

зовался этимъ движеніемъ и, лично участвуя въ бою, въ 4 часа 13-го сентября овладѣлъ высшимъ пунктомъ Сен-Готарда, Госписомъ (на высотѣ болѣе 7,000 футовъ надъ поверхностью моря). Французы не могли устоять противъ русскихъ штыковъ и принуждены были отступить въ безпорядкѣ, частью внизъ по долинѣ р. Рейсы къ Чортову мосту, частью же чрезъ Фурку въ Валискую область. Русскіе преслѣдовали ихъ до вечера. И только наступившая ночь прекратила преслѣдованіе французовъ.

Потеря непріятеля при переходѣ Сен-Готардъ, простиралась: убитыми, ранеными и въ плѣнъ взятыми до 400 человѣкъ; три орудія, 370,000 патроновъ и двухъдневное количество хлѣба для цѣлаго корпуса, достались въ руки побѣдителямъ — Русскимъ, и неприступный Сен-Готардъ былъ занятъ русскими чудо-богатырями. Потеря въ войскахъ Суворова значительно превышала уронъ, понесенный непріятелемъ, и простиралась до 2,000 человѣкъ.

Утромъ 14-го сентября, Александръ Васильевичъ Суворовъ соединился съ Розенбергомъ и направился къ ущелью Урзернъ-Лоху. За этимъ ущельемъ, дорога круто спускалась къ Чортову мосту на Рейсѣ, построенному между двумя утесами, на высотѣ 75-ти футовъ, и состоявшему изъ двухъ деревянныхъ арокъ. Французы при отступленіи 13-го сентября черезъ Чортовъ мостъ, изъ опасенія, чтобы русскіе не нагнали ихъ, и съ цѣлію затруднить движеніе Суворова, разломали ближайшую къ лѣвому берегу половину моста, и, расположась за нею, готовились встрѣтить пальбою наступавшія противъ нихъ войска Суворова; другая

часть непріятельскаго отряда была разсыпана по скаламъ, на правой сторонѣ Рейсы, нѣсколько ниже Чортова моста.

Русскіе, подойдя къ разрушенному Чортову мосту, встрѣчены были пальбою засѣвшихъ, за грудами камней, французскихъ стрѣлковъ, и казалось, что продолжать движеніе черезъ пропасть невозможно; но полководецъ — герой Суворовъ, никогда не встрѣчавшій непреодолимыхъ преградъ, не остановился и тутъ. Двѣсти охотниковъ егерскаго полка Кашкина, подъ начальствомъ полковника Свищова и маіора Тревогина, спустились съ высокихъ скалъ въ русло р. Рейсы, нѣсколько выше Чортова моста, переправились въ бродъ черезъ рѣку, и взобрались на противоположный утесистый берегъ — и дѣло тотчасъ же приняло другой оборотъ. Появленіе нашихъ стрѣлковъ на лѣвомъ берегу рѣки до такой степени изумило французовъ, что они, не смотря на свою многочисленность, поспѣшно оставили занятую ими позицію у моста, и обратились въ постыдное бѣгство. Тогда немедленно приступлено было къ возобновленію переправы, уничтоженной французами.

Русскіе чудо-богатыри не долго задумывались какъ устроить переправу; они перекинули доски и нѣсколько бревенъ, все это связали чѣмъ попало, даже шарфы офицеровъ,—и тѣ пошли въ дѣло вмѣсто веревокъ. Починивъ мостъ, насколько возможно прочно, солдаты пробирались по перекладинкамъ, спускались въ пропасти; часть ихъ, по переправѣ, составивъ авангардъ, неутомимо погнались за непріятелемъ, отступавшимъ въ безпорядкѣ.

Но для удобнѣйшаго перехода всей арміи, нужно было вновь построить мостъ. Явилось человѣкъ до ста,

Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ.

и принялись за дѣло; работа кипѣла и къ утру мостъ былъ совсѣмъ готовъ. Объ этомъ донесли фельдмаршалу.

— Русскій на все пригоденъ, сказалъ онъ. Помилуй Богъ, на все, на все!.. И бить врага, и служить Богу и Царю! У другихъ этого нѣтъ—а у насъ есть, есть все, все!..

Переправа войскъ совершилась благополучно: но ратникамъ предстояли впереди новыя затрудненія; нужно было совершить переходъ черезъ гору Кольмбергъ, высочайшую послѣ Сен-Готарда. Темныя облака, перерѣзывавшія вершины горъ, обдавали солдатъ сыростію и холодомъ, солдаты шли въ густотѣ облачнаго тумана, карабкаясь то по голой скалѣ, то по вязкой глинѣ, усыпанной мелкими камешками... Всѣ терпѣли ужасный недостатокъ въ пищѣ. Подтянувъ потуже животъ, солдаты по-братски дѣлили одну картофелину или кусочекъ сыру. О мясѣ не было и помину. Сапоги почти у всѣхъ были безъ подошвъ. Офицеры обрѣзывали фалды у своихъ мундировъ и обвертывали ими израненныя ноги. Внизу была сносная осень, а на горахъ суровая зима. Такова ужъ природа въ Альпійскихъ горахъ! Вверху, и въ самую яспую погоду, холодъ, вѣтеръ, а внизу подъ ногами храбраго войска, гроза— громъ и молнія. Насмотрѣлись тамъ чудесъ природы чудо-богатыри, солдатушки Суворовскіе.

При всемъ почти бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, они не горевали, но за нихъ горевалъ отецъ Русскаго воинства, крѣпкая дума занимала умъ Суворова. Глубокая тоска — кручина запала въ сердце его!.. Вступивъ въ Муттенскую долину, Суворовъ узналъ отъ жителей окрестныхъ земель, что корпусъ Кор-

сакова разбитъ Массеною при Цюрихѣ; тѣмъ самымъ Массепою, на котораго онъ хотѣлъ нагряпуть, чтобы, поразивъ его, прогнать Французовъ изъ Швейцаріи, и этимъ завершить свои геройскіе подвиги. Кромѣ того Суворовъ узналъ, что Массена, поразивъ Корсакова, идетъ прямо на него и заперъ ему всѣ выходы изъ Муттенской долины; что Массена, выѣзжая изъ Цюриха, объявилъ тамъ Русскимъ плѣннымъ офицерамъ, что чрезъ нѣсколько дней привезетъ къ нимъ фельдмаршала и Великаго Князя Константина Павловича. Такъ Массенъ увѣренъ былъ въ окончательномъ истребленіи Русской арміи.

Суворовъ, узнавъ о наступленіи Французовъ, не думалъ уже о наступательныхъ дѣйствіяхъ, какъ было имъ предположено ранѣе, онъ хотѣлъ только спасти свою армію, хотя и спасти ее было почти невозможно, въ чемъ, какъ разсказываютъ, отчаявался и этотъ великій полководецъ, твердившій только постоянно: «Не дамъ костей своихъ врагамъ, умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ—жертва измѣны Австріи, но не трусости!» Чтобы скрыть отъ войска тревожное состояніе духа и казаться какъ можно, спокойнымъ, онъ велѣлъ подать себѣ шкатулку съ орденами и другими знаками отличій: раскладывалъ ихъ предъ собою, любовался ими, приговаривая: «Вотъ это за Очаковъ! это за Прагу!» и такъ далѣе. Созванъ былъ военный совѣтъ. «Впередъ идти намъ», сказалъ Суворовъ, «невозможно: у Массены болѣе 60,000 войска, а у насъ нѣтъ полныхъ и 20,000. Назадъ идти стыдно: это значило бы отступать, а я съ Русскими никогда не отступалъ. У насъ мало су-

харей, почти нѣтъ зарядовъ и патроновъ; мы окружены горами, окружены непріятелемъ сильнымъ, возгордившимся недавнею побѣдою, но мы Русскіе, съ нами Богъ! Кромѣ дѣла при Прутѣ, Русскіе никогда не были въ такомъ гибельномъ положеніи, какъ мы теперь. Петру Великому измѣнилъ ничтожный владѣтель маленькой земли, грекъ; Императору Павлу Петровичу измѣнилъ вѣрный союзникъ Россіи, кабинетъ великой могучей Австріи, или лучше, министръ ея, Тугутъ. Помощи намъ ждать теперь не отъ кого: одна надежда на Бога, другая на храбрость и самоотверженіе войска. Спасите честь Россіи и ея Самодержца! спасите сына нашего Государя!» Съ этими словами великій полководецъ, весь въ слезахъ, палъ къ ногамъ Великаго Князя Константина Павловича, который тотчасъ поднялъ его, обнималъ, цѣловалъ его плечи и руки, проливая также слезы. Рѣчь Суворова имѣла необыкновенное дѣйствіе на всѣхъ присутствовавшихъ, отъ лица которыхъ генералъ Дерфельденъ отвѣчалъ ему: «Отецъ нашъ, Александръ Васильевичъ! Мы знаемъ, что намъ предстоитъ теперь; но развѣ и ты не знаешь насъ, не знаешь ратниковъ, которые преданы тебѣ душою, безотчетно любятъ тебя? Чтобы ни встрѣтилось намъ, ты, отецъ нашъ, не увидишь въ насъ ни гнусной трусости, ни ропота, столь несвойственныхъ русскимъ людямъ. Клянемся тебѣ предъ Богомъ: вѣрь намъ! Хотя бы въ горахъ намъ пришлось перенести еще большія трудности, чѣмъ наши прежнія, мы готовы; хотя бы цѣлыя сотни тысячъ Французовъ окружили насъ, мы пробьемся, не посрамимъ Русскаго оружія, а если падемъ, то со славою. Веди насъ, ку-

да знаешь; дѣлай, какъ думаешь: мы твои, мы Русскіе!» При этомъ всѣ въ одинъ голосъ сказали: «Кляемся»! это необыкновенно обрадовало взволнованнаго фельдмаршала, который отвѣчалъ имъ отрывистою рѣчью: «Надѣюсь!... радъ!... помилуй Богъ!... мы Русскіе!... благодарю! разобьемъ врага!... побѣда надъ нимъ, побѣда надъ коварствомъ!... побѣда, побѣда, побѣда!» Разложивъ карту Швейцаріи, онъ тотчасъ сталъ диктовать приказъ о походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ всѣми принято было мнѣніе Великаго Князя, относительно того какъ лучше выбраться изъ Муттенской долины. Всѣ вышли отъ фельдмаршала съ одною мыслію—побѣдить, или умереть со славою, и каждый начальникъ передалъ эту мысль своимъ солдатамъ. Увѣренность въ побѣдѣ воодушевила богатырскія сердца, и въ Русскомъ войскѣ были тогда не люди, а львы; дѣло подтвердило это. Вскорѣ напалъ на нихъ Массена, считавшій ихъ неизбѣжною своею добычею, но Суворовъ такъ блистательно отразилъ всѣ его атаки, что послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ, упорныхъ битвъ, Русскіе сами одержали надъ нимъ двѣ достославныя побѣды. Вырвавшись такимъ образомъ изъ желѣзной клѣтки, и имѣя приказаніе подвигаться впередъ, къ мѣстамъ безопаснымъ, Русскіе ратники понеслись тогда по горамъ, по доламъ, чрезъ лѣса и рѣки, одолѣвая по прежнему самую природу съ ея утесами, водопадами и пропастями.

Подойдя къ городу Гларису, войска наши остановлены были непріятелемъ, укрѣпившимся передъ тѣсниною. Съ одной стороны былъ высочайшій гребень горъ; съ

другой—озеро и топь, въ срединѣ—узкій проходъ къ озеру прегражденъ былъ острымъ угломъ горы.

Непріятель съ увѣренностію вступилъ въ бой; ожесточенная борьба продолжалась нѣсколько часовъ, непріятель потерпѣлъ большой уронъ, тѣла убитыхъ французскихъ солдатъ устилали узкій путь и прибрежье озера; но не смотря на такое побоище, войска наши не могли сдѣлать далѣе ни шагу.

Непріятель передъ выходомъ изъ тѣснины расположился за каменною оградою кирки и осыпалъ Русскихъ картечью и пулями. Русскіе нѣсколько разъ кидались впередъ, но не могли одолѣть; косвенный убійственный огонь непріятеля поражалъ нашихъ богатырей, и не было никакой возможности пробиться къ Гларису; а это былъ единственный путь къ мѣстечку Куръ.

Смерклось, затихла пальба, но при малѣйшемъ шорохѣ въ русскомъ лагерѣ, Французы обдавали ратниковъ градомъ ружейныхъ пуль и картечью. Дождь, холодъ, голодъ терзали ихъ тѣло, но не отняли бодрости солдатскаго духа. Ратники были ожесточены.

— Что за нечистый перешелъ намъ путь! говорили они.

«Мы были голодны, очень голодны», разсказывалъ одинъ изъ участниковъ похода, «у многихъ, да почти у всѣхъ, по нѣсколько дней сухаря не было во рту *); однакожъ гнусный ропотъ никому не приходилъ въ голову. Нѣсколько добытыхъ картофелинъ, и тѣ всякій считалъ за небесное благодѣяніе, за милость Божью. Мы были босы и почти голы; — но духъ небывалаго

*) Нѣсколько вьюковъ поотстало въ горахъ, а при переходѣ черезъ Чортовъ мостъ и остальное все погибло.

до того въ мірѣ витязя, нашего батюшки Александра Васильевича Суворова, — вѣра въ Милосердаго Бога, преданность Царю, безпредѣльное повиновеніе начальству и самоувѣренность въ непобѣдимости, — живили всѣхъ насъ.»

«Былъ часъ десятый вечера темнаго, туманнаго. Дождь съ сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ, ливмя лилъ на насъ; мы дрогли, но ждали чего-то радостнаго, а не смерти. О смерти мы не думали, ей Богу, не думали!

«Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, страдавшій отъ раны, которую получилъ лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ берцо лѣвой ноги, сидѣлъ прижавшись къ скалѣ горы и, ожидая чего-то, говорилъ стоявшей около того мѣста колоннѣ солдатъ:

— Подождите! только немного подождите! Богъ поможетъ, мы ночуемъ въ Гларисѣ. Скажу: «впередъ!» дружно ударимъ! Пардону нѣтъ!

— Слушаемъ ваше сіятельство! Какъ бы поскорѣе! говорили солдаты.

Въ это время послышался чей-то голосъ. «Гдѣ князь Петръ? гдѣ Петръ?» спрашивалъ кто-то. Это былъ великій, непобѣдимый нашъ Суворовъ. Онъ былъ въ плащѣ, какъ говорится, вѣтромъ подбитомъ, въ плащѣ, который былъ сшитъ еще до 1794 года. Сѣдой старецъ, плохо одѣтый, былъ обмокшій и иззябшій... Багратіонъ встрѣтилъ его, и, почти насильно, отвелъ его къ скалѣ и шопотомъ говорилъ:

— Ради Бога тише, тише говорите, ваше свѣтлость!

Въ это время залпъ французскихъ пуль и картечи пронеслись по озеру.

— Князь Петръ! я хочу, непремѣнно хочу ночевать

въ Гларисѣ. Мнѣ и вотъ имъ (указывая на колонну солдатъ) пора отдохнуть. Намъ холодно и голодно, Петръ! Непремѣнно хочу ночевать въ Гларисѣ!

Такъ говорилъ отецъ русскихъ богатырей.

— Мы скоро будемъ тамъ! отвѣчалъ Багратіонъ. Вотъ уже два часа тому назадъ, какъ я послалъ съ батальономъ гренадеръ подполковника Ломоносова, съ вѣрнымъ проводникомъ, обойти это озеро. Прошедши лѣсъ и топь, онъ за киркой зайдетъ въ тылъ Французамъ. Вотъ на этотъ гребень горъ послалъ я Дендригена съ гренадерами и егерями; онъ непремѣнно перейдетъ какъ нибудь этотъ гребень, и будетъ ждать залпа Ломоносова. Лишь раздастся залпъ, мы дружно ударимъ въ штыки. Головою ручаюсь вамъ, ваша свѣтлость, вы будете ночевать въ Гларисѣ!

— Спасибо, князь Петръ! спасибо! хорошо! Помилуй Богъ хорошо! говорилъ батюшка Суворовъ.

Тихо проводилъ его князь Петръ Ивановичъ. Не прошло и десяти минутъ послѣ этого, какъ послышались выстрѣлы на гребнѣ горъ *). Чаще, чаще, и — о! Божіе Милосердіе! Залпъ Ломоносова раздался сзади кирки! Мы встрепенулись и съ крикомъ князя Багратіона: «ура!» «впередъ!» мы быстро добѣжали до Французовъ и пошла потѣха... раздолье молодецкое! Много этой нечисти пало подъ штыками нашими, но болѣе взято въ плѣнъ».

Такъ послѣдняя преграда, выходу русскихъ войскъ изъ горъ, разрушена была единственно милостію Божіею и искусствомъ опытныхъ полководцевъ, и голодные

*) Лишь только Дендригенъ взошелъ на гребень горъ, какъ наткнулся на французовъ, которые лѣзли занять гору. Гренадеры ударили въ штыки и французы почти всѣ были переколоты штыками. Едва ли кто спасся изъ нихъ.

русскіе ратники вступили въ Гларисъ.—Отецъ Суворовъ остановился въ домѣ, на маленькой площадкѣ. Напротивъ его, чрезъ дорогу, въ другомъ домѣ, вверху содержались плѣнные Французы, а внизу стоялъ нашъ караулъ.

Передъ разсвѣтомъ множество Швейцарцевъ принесли большіе круги сыру плѣннымъ Французамъ и здоровались съ ними.

Бывшій въ караулѣ, штабсъ-капитанъ Б**. подозвалъ поселянина, и по-нѣмецки просилъ его продать ему одинъ сыръ; но тотъ или не понималъ его, или не хотѣлъ понимать,—отворачивался и молчалъ.

Послѣ того подошелъ къ нему молоденькій унтеръ-офицеръ, и показывая червонецъ, говорилъ коверканнымъ нѣмецкимъ языкомъ:

— *Гибъ миръ* вотъ *эйнъ штихъ*, вотъ за это!

Швейцарецъ молчалъ, поглядывая искоса на Французовъ.

— Видишь ли, и за деньги не даютъ; пришлось пропадать! проговорилъ съ досадою молодой солдатъ.

— Молчать! строго вскрикнулъ унтеръ-офицеръ, и молодому солдату досталась отъ старыхъ порядочная гонка.

Въ это время старикъ, честнѣйшій изъ людей и храбрѣйшій изъ солдатъ, Михайло Михайловъ Огневъ, съ Аннинскимъ крестомъ и обвѣшанный медалями, подошелъ къ штабсъ-капитану Б** и, вытянувшись, сказалъ:

— Позвольте мнѣ, ваше благородіе, поторговать сыръ у этого оборванца, онъ продастъ мнѣ сыръ за тавлинку табаку.

— Не нужно Огневъ! Богъ дастъ, раздадутъ порціи, и я полагаю скоро.

— Слушаю, ваше благородіе!

И точно, не прошло получаса времени, какъ ратники ужъ ѣли пшеничные сухари и закусывали сыромъ, котораго каждому дали около фунта.

— Къ ружью! закричалъ часовой, и въ мигъ сто усачей, закаленныхъ въ бояхъ, стали въ ружье.

— Не надо, не надо! говорилъ генералъ, сѣденькій старичокъ, шедшій въ ботфортахъ, у которыхъ не было подошвъ, а вмѣсто ихъ и передовъ, ноги обернуты были полами, обрѣзанными отъ его кафтана. Это былъ Суворовъ.

— Не надо! говорилъ онъ. Здорово братцы!

На привѣтствіе, дружно и звучно излилось солдатское: здравія желаемъ, отецъ нашъ батюшка.

— Ѣли ль вы сыръ? Давали ль вамъ сухариковъ?

— Ѣли, дали. Покорнѣйше благодаримъ!

— Знаю, что маловато послѣ голода столькихъ дней. Но потерпите? Богъ поможетъ, будемъ сыты! Прогонимъ остальныхъ французишковъ, и тогда въ Швабію! Осмотрите ружья! Укрѣпите потверже штыки!

— Слушаемъ, отецъ! ради стараться! Съ лица дороги сметемъ безбожную сволочь! А тамъ воля командирская! что прикажутъ, то и будетъ!

— А! Здравствуй, Огневъ, сказалъ Суворовъ, храбрѣйшему изъ прежнихъ богатырей, солдату. Ну, братецъ! Сослужи службу, почини мнѣ ботфорты чѣмъ нибудь!

— Слушаю, ваше сіятельство! У меня есть кожа.

Вотъ въ эту ночную стычку снялъ я ее съ француза. Даромъ, что сырая; да я сдѣлаю ее годною.

— Какъ съ француза? Съ него кожу?

— Да, я снялъ съ него кожу; только она на немъ была коровья. Вѣрно онъ съ товарищами корову съѣли, а кожу-то прорѣзалъ въ серединѣ и черезъ голову надѣлъ себѣ на плечи отъ дождя. Хитеръ былъ, бѣсовъ сынъ! Прыгалъ, какъ коза, и раза два увертывался отъ голубчика штыка, да ужъ въ третій разъ я угомонилъ его.

Перепочевавъ въ Гларисѣ, Русскіе пошли далѣе, по направленію къ городу Куръ. Новыя чудеса храбрости проявили Русскіе чудо-богатыри на этомъ пути. Французы преслѣдовали ихъ повсюду; атака слѣдовала за атакой, бой за боемъ, при томъ битвы происходили въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду. У Суворовцевъ за храбростью дѣло не стало, и Французамъ, хотя они были гораздо многочисленнѣе, доставалось всздѣ отъ Русскаго штыка-молодца и отъ Суворовскаго натиска. Когда фельдмаршалъ замѣчалъ, что солдаты, выбившись изъ силъ, начинали унывать, то развеселялъ ихъ пѣснію: «Что дѣвушкѣ сдѣлалось? что красной случилося?» а на ночлегахъ и привалахъ подходилъ къ ихъ кружку, вмѣшивался въ ихъ разговоры, шутилъ, смѣшилъ ихъ разными поговорками, прибаутками. Все это такъ ободряло утомленныхъ воиновъ, что сообщало имъ новыя силы и они готовы были на самые невѣроятные подвиги. Французы, видя, что съ богатырскою Суворовскою арміею справиться нельзя и претерпѣвая отъ нея пораженіе за пораженіемъ, они оставили, наконецъ, ее въ покоѣ, и Русская армія,

послѣ шестнадцатидневнаго безпримѣрнаго перехода, расположилась въ мѣстахъ безопасныхъ отъ непріятеля. Тогда только солдатушки наши могли отдохнуть, обогрѣться, подкрѣпить себя пищею; послѣ того они стали чинить обувь, справлять аммуницію; скоро пошли у нихъ веселыя пѣсни, прежнее горе было забыто и солдаты даже шутили и смѣялись надъ своими минувшими страданіями. Къ суворовской арміи присоединились потомъ и остальныя Русскія войска, находившіяся въ Швейцаріи.

Въ продолженіе 16-ти-дневнаго, побѣдоноснаго похода въ Швейцарію, Русскіе взяли въ плѣнъ до 3,000 французовъ, въ томъ числѣ 1 генерала, 3 полковниковъ и 37 штабъ и оберъ-офицеровъ; отбили 11 орудій и 1 знамя.

Вѣсть о переходѣ Русскихъ черезъ Швейцарскія горы разнеслась по всему міру, и всѣ народы изумлялись безстрашію и мужеству Русскихъ воиновъ и смѣлости Суворова.

Александръ Васильевичъ Суворовъ такъ писалъ о своемъ Швейцарскомъ походѣ Императору Павлу Петровичу: «Подвиги Русскихъ на сушѣ и на морѣ надлежало увѣнчать подвигами на громадахъ недоступныхъ горъ. Оставя за собою въ Италіи славу и сожалѣніе освобожденныхъ нами народовъ, мы перешли цѣпи Швейцарскихъ горъ и стремнины. Въ этомъ царствѣ ужаса, на каждомъ шагу зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ отверстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершины огромныя льдины и камни. Сенъ-Готардъ,—колосъ, ниже вершины косго

носятся тучи, — все было преодолено нами, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ предъ нами непріятель... Русскіе перешли снѣжную вершину Биттнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны... Словъ недостаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди коихъ хранила насъ десница Провидѣнія»....

Прочитавъ это донесеніе, Императоръ возвелъ Суворова въ санъ генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ, и послалъ къ нему слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности моей и ставя на высшую степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ».

Императоръ Павелъ повелѣлъ воздвигнуть памятникъ Суворову въ Петербургѣ; всѣмъ-же генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и рядовымъ, бывшимъ въ походѣ, за оказанную ими непоколебимую храбрость, Императоръ Павелъ назначилъ разныя награды. Императоръ Австрійскій прислалъ Суворову благодарственное письмо и орденъ Маріи-Терезіи большаго Креста.

Во время стоянки на зимнихъ квартирахъ, Суворовъ получилъ приказъ Императора возвратиться въ Россію, и тогда войска послѣдовали на родину.

Суворовъ довелъ свои войска до австрійскаго города Праги (въ Богеміи); здѣсь онъ оставилъ свою армію и простился съ своими подчиненными, какъ отецъ съ дѣтьми. Старые, сѣдые солдаты, сподвижники славныхъ дѣлъ великаго полководца, рыдая, прощались съ полководцемъ, котораго они привыкли считать своимъ отцомъ. Они какъ бы предчуствовали, что имъ не видать уже болѣе Суворова, не видать и не совершать болѣе съ нимъ славныхъ безсмертныхъ подвиговъ, Суворову тогда было уже 70 лѣтъ.

Изъ Праги Суворовъ пріѣхалъ въ Россію одинъ съ небольшою свитою. Онъ спѣшилъ въ свое Кобринское помѣстье, но въ это время обнаружились уже первые припадки болѣзни, которая подточила силы героя. Императоръ Павелъ, встревоженный извѣстіемъ о болѣзни Суворова, прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта. «Молю Бога», писалъ онъ, «да сохранитъ онъ мнѣ Суворова». Но Суворовъ не любилъ лекарствъ и лечился по своему. Когда совѣтовали ему пользоваться цѣлебными водами, то онъ отвѣчалъ: «помилуй Богъ! Посылайте на воды здоровыхъ богачей, игроковъ, а я болѣнъ не шутя. Мнѣ надобны: деревенская изба, молитва, баня, кашица да квасъ».

Медикъ никакъ не могъ убѣдить Суворова ѣсть скоромное въ великій постъ, онъ продолжалъ ходить въ церковь пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостолъ; слыша объ участіи къ нему Императора Павла I, Суворовъ говорилъ: «вотъ это вылечитъ меня лучше всякаго доктора».

Суворовъ нетерпѣливо хотѣлъ быть въ столицѣ. «Только-бы мнѣ увидѣть Государя» говорилъ онъ. Док-

тора позволили ему ѣхать въ Петербургъ, но не болѣе какъ по 25 верстъ въ сутки. Суворовъ и этому былъ радъ, но силы его слабѣли съ каждымъ днемъ.

Путь Суворова въ Петербургъ былъ болѣе похожъ на похоронное шествіе. Суворовъ лежалъ въ каретѣ которую везли шагомъ. Народъ толпами выходилъ на встрѣчу къ герою, но не смѣлъ привѣтствовать его, провожалъ безмолвно, плакалъ и молился за него. Всю дорогу отъ Риги до Петербурга (565 верстъ) Суворовъ все еще шутилъ и иногда съ улыбкою говаривалъ: «охъ! должно быть устарѣлъ я, а все что-то не вѣрится!»

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Суворовъ остановился въ Коломнѣ, противъ Никольскаго рынка, по Крюкову каналу въ домѣ родственника своего, графа Хвостова; Суворова перенесли изъ кареты на рукахъ, и положили въ постель.

Медленно, тихо и безропотно угасалъ герой; часто съ тоскою говорилъ онъ: «зачѣмъ я не умеръ тамъ, въ Италіи».

Чувствуя приближеніе смерти, Суворовъ призвалъ къ себѣ священника, исповѣдался, причастился и простился со всѣми окружавшими его. Наставалъ торжественный часъ.... Ночью на 6 мая, съ умирающимъ начался предсмертный бредъ. Лежа въ забытьи, онъ говорилъ что-то.... Окружающіе Суворова могли только разслышать слова: «Генуя... сраженіе... впередъ!.. Видно было, что Суворову мечтались битвы, что онъ отдавалъ приказанія войску.... Къ утру онъ смолкъ, но все еще дышалъ.

Въ 12 часовъ по-полудни, 6 мая 1800 года, скон-

чался фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ.

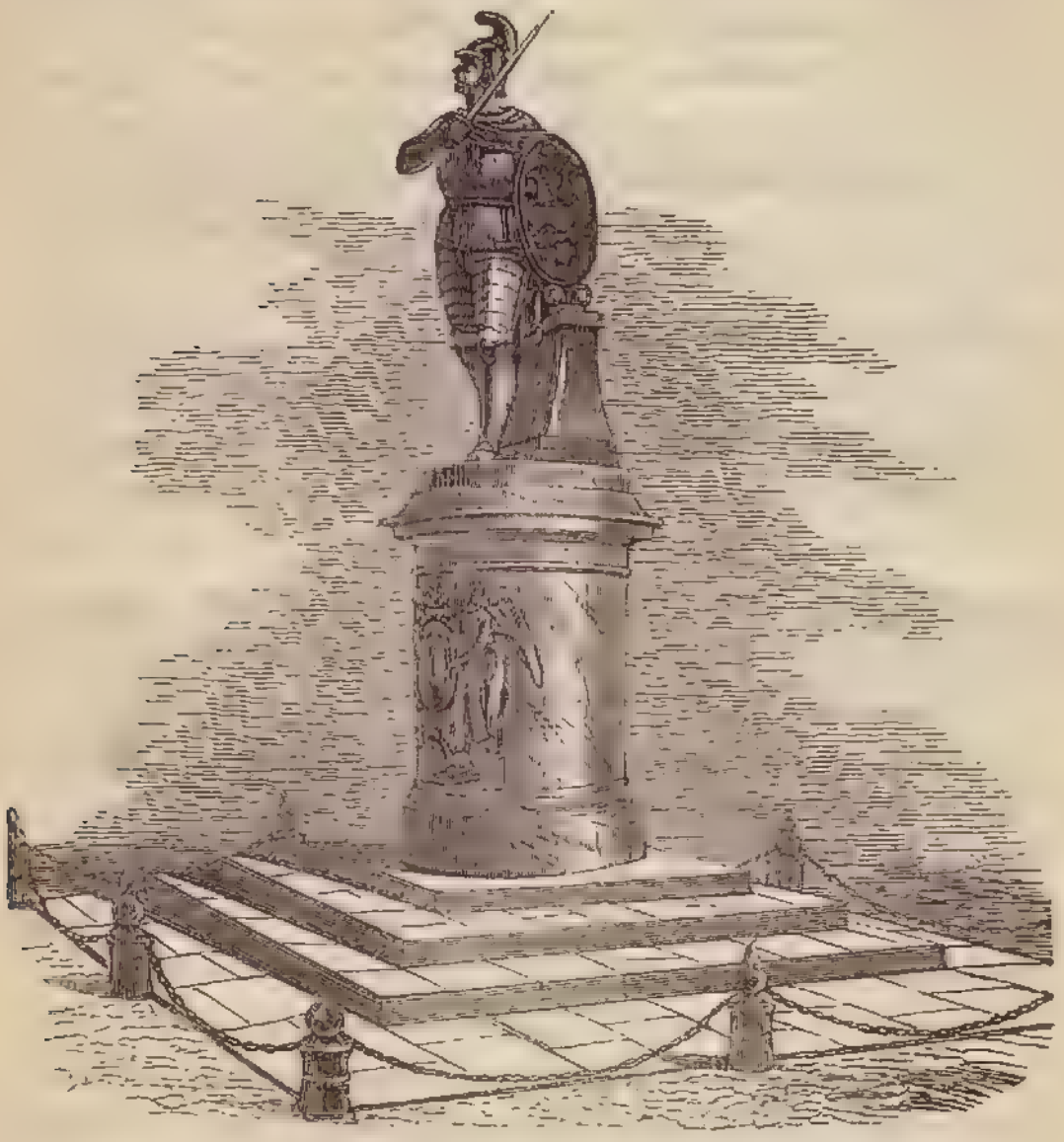
На другой день толпы народа тѣснились около дома, гдѣ скончался герой; входили посѣтители въ ту комнату, гдѣ лежали бренные останки его. Лицо Суворова было спокойно,—онъ казался спящимъ. Кругомъ лежали ордена, знаки отличій; люди всѣхъ званій хотѣли видѣть еще разъ Суворова и проститься съ нимъ, въ числѣ ихъ замѣчали много старыхъ инвалидовъ, они плакали и молились.

Настало ясное, весеннее утро, 9-е мая; по улицамъ изъ малой Коломны потянулся похоронный поѣздъ Суворова. Гробъ его провожало множество сановниковъ и духовенства, безчисленныя толпы народа тѣснились на улицахъ до Александро-Невской обители; даже крыши домовъ были покрыты народомъ. На Невскомъ проспектѣ, близъ Публичной библіотеки, Императоръ Павелъ встрѣтилъ похоронный поѣздъ.

Императоръ Александръ Благословенный, исполняя мысль своего родителя Павла 1-го, почтилъ Суворова памятникомъ, который и поставленъ въ Петербургѣ предъ царицынымъ лугомъ, на площадкѣ, получившей названіе Суворовской.

На этомъ памятникѣ Суворовъ изображенъ въ древнихъ рыцарскихъ доспѣхахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ обнаженный мечь, а въ лѣвой—щитъ. Подножіемъ памятнику служитъ гранитный столбъ, на которомъ золотыми буквами имѣется надпись: *Князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, 1801 года.* Въ честь непобѣдимому полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ

подвигахъ его», Императоръ Николай I велѣлъ переименовать любимый Суворова Фанагорійскій полкъ, съ которымъ онъ былъ на Рымникѣ и подъ Измаиломъ, *гре-*



Памятникъ князю италійскому, графу суворову рымникскому.

надерскимъ генералиссимуса Князя Суворова Италійскаго полкомъ. Высокіе титулы *свѣтлѣйшихъ князей италійскихъ, графовъ Суворовыхъ-рымник-*

ских, заслуженные Александромъ Васильевичемъ, переходятъ въ мужескомъ колѣнѣ, изъ рода въ родъ, въ его потомствѣ, которое сохраняетъ и гербъ своего великаго предка.

Такъ-то чтится память великихъ людей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Дѣтство Суворова. Преданіе о шведскомъ дворянинѣ Суворѣ. — Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго фельдмаршала.— Суворовъ-ребенокъ: здоровье его, характеръ и игры.—Генералъ Ганнибалъ.—Экзаменъ въ наукахъ.—Суворовъ получаетъ отъ отца благословеніе на поступленіе въ военную службу 1

II. Первое знакомство съ непріятелемъ. Поступленіе на службу.— Суворовъ солдатъ.—Высочайшій подарокъ.—Друзья Суворова. — Производство его въ офицеры. — Занятія его.— Семилѣтняя война.— Суворовъ подполковникъ.— Первая битва.— Переправа въ бродъ.— Западня.— Побѣгъ проводника.— Непріятная встрѣча. — Вліяніе Суворова на наши войска. — Миръ.—Возвращеніе на родину.—Суворовъ полковникъ. . . 10

III. Суворовъ Полковникъ. Занятія Суворова съ солдатами.— Пріемъ новобранцевъ.— Катехизисъ Суворова.— Ученья Суворова.— Встрѣча Суворова съ полковникомъ Ламетомъ. — Милостивое вниманіе Императрицы Екатерины. — Дѣятельная жизнь Суворова.—Война противъ Барскихъ конфедератовъ.— Битва съ Огинскимъ при Смоленскѣ.—Осмотръ русскихъ крѣпостей въ Финляндіи.—Битва при Гирсовѣ.—Побѣда при Козлуджи. 22

IV. Побѣды Суворова. Бунтъ Емельяна Пугачева.—Присоединеніе Крыма къ русскимъ владѣніямъ.—Вторая турецкая война. — Битва при Кинбурнѣ. — Письмо Суворова къ дочери.— Суворовъ въ битвѣ подъ Очаковымъ.— Сраженіе при Фокшанахъ.—Битва при Рымникѣ.—Взятіе Измаила.—Возстаніе въ

Польшѣ. — Прибытіе къ арміи графа Суворова. — Битва при Брестъ-Литовскѣ. — Штурмъ Праги.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву.—Суворовъ Фельдмаршалъ. 38

V. **Суворовъ Генералиссимусъ.** Рескриптъ Императрицы Екатерины къ Суворову.—Кончина Императрицы Екатерины и вступленіе на престолъ Императора Павла I-го. Увольненіе Суворова и его прощаніе съ войскомъ.—Жизнь Суворова въ селѣ Коншанскомъ.—Рескриптъ Императора Павла I-го.—Назначеніе Суворова главнокомандующимъ въ Италіи.—Битва при Требіи.—Битва при Нови.—Вступленіе русскихъ въ Швейцарію. — Переходъ черезъ Альпы. — Возвращеніе Суворова въ Россію.— Болѣзнь Суворова.— Послѣднія минуты жизни Суворова 78

Въ этой книжкѣ помѣщены слѣдующіе рисунки:

стр.

Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ. (Къ стр. 116).
Суворовъ на часахъ. 12
Переправа Суворова въ бродъ. 18
Поимка Емельяна Пугачева. 40
Суворовъ во дворцѣ Крымскаго Хана. 42
Суворовъ въ битвѣ подъ Кинбурномъ. 48
Прощанье Суворова съ войсками. 86
Императоръ Павелъ жалуетъ Суворову орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. 91
Суворовъ показываетъ Австрійскому министру бланкетъ данный ему Императоромъ Павломъ I-мъ. 93
Суворовъ въ дѣлѣ при Треби. 102
Суворовъ на бивуакахъ послѣ битвы при Нови. 107
Суворовъ на Сен-Готардѣ. 112
Переходъ Суворова черезъ Чертовъ мостъ. 116
Памятникъ Суворову въ С.-Петербургѣ. 132

Цѣна 40 к. с.

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЪ.

Редакціею журналовъ: «Чтеніе для Солдатъ» и народнаго «Мірской Вѣстникъ» по настоящее время издано **192 отдѣльныхъ книжекъ, разныхъ наименованій, для школъ**. Книжки изданы тщательно, цѣною отъ **2**-хъ до **45** коп.; полезны **для начальнаго научно-нравственнаго самообразованія**. Бо́льшая часть означенныхъ книжекъ одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и признаны—Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи,—полезными для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Императрицы Маріи.

Каталогъ книжкамъ высылается желающимъ, по ихъ требованію, **безденежно.**

Учебнымъ заведеніямъ, школамъ и Земскимъ Управамъ, обращающимся съ своими требованіями на книжки, изданныя Редакціею, непосредственно въ контору Редакціи, дѣлается уступка, со стоимости книгъ, 20 процентовъ, но только по тѣмъ требованіямъ, которыя поступятъ на 50 и болѣе рублей и когда кромѣ того, слѣдуемыя деньги за пересылку по почтѣ доставляются согласно объявленію, по 3 коп. за каждую книжку.

Редакціею народнаго журнала **„Мірской Вѣстникъ“**, по настоящее время издано **189** отдѣльныхъ книжекъ, разныхъ наименованій, для школъ. Книжки изданы тщательно, цѣною отъ **2** до **40** коп. сер., **полезны для начальнаго, научно-нравственнаго самообразованія.** Полный списокъ вышеупомянутымъ книжкамъ, по мѣрѣ ихъ выхода, помѣщается въ концѣ книжекъ журналовъ: **„Мірской Вѣстникъ“** и **„Чтеніе для Солдатъ“.**

Каталогъ книжкамъ высылается также желающимъ, по ихъ требованію, **безденежно.**

При изданіи брошюръ и руководствъ, Редакція постановила себѣ правиломъ, каждые послѣдующіе выпуски, по возможности улучшать дополненіями, и дѣлать въ каждомъ новомъ изданіи необходимыя измѣненія, для болѣе яснаго и популярнаго изложенія объясняемаго предмета.

Наибольшее число книжекъ для школъ изданныхъ Редакціею народнаго журнала **„Мірской Вѣстникъ“** одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школъ.

Вышеупомянутыя книжки продаются въ главной конторѣ Редакціи журналовъ: **„Чтеніе для Солдатъ“** и **„Мірской Вѣстникъ“** въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, д. Франка **№ 89.**

Желающіе получить народный журналъ **„Мірской Вѣстникъ“**,—(годовой экземпляръ въ 12-ти книжкахъ съ 30-ю до 40 рисунками и съ шестью изображеніями св. Иконъ),—высылаютъ за 1863, 1865, 1866 по 2 руб. а за 1867, 1869, 1870 и 1871 г. по 3 руб. за каждый годовой экземпляръ. За доставку иногороднымъ подписчикамъ каждаго годоваго экземпляра, **прежнихъ годовъ,** слѣдуетъ прилагать особо вѣсовыхъ **за три фунта.**

Примѣчаніе: Контора Редакціи народнаго Журнала «Мірской Вѣстникъ» обязывается *въ точности* исполнять требованія, относящіяся *только до ея изданій*, о которыхъ заявлено, какъ въ отдѣльныхъ объявленіяхъ отъ Редакціи, такъ и въ объявленіяхъ помѣщаемыхъ въ журналѣ **«Мірской Вѣстникъ».**

Всякое же порученіе, *не относящееся прямо* до конторы Редакціи, *будетъ оставлено безъ исполненія, а деньги возвращены обратно.*

Таковая *вынужденная* мѣра принята Конторою Редакціи по чрезвычайно увеличившейся перепискѣ, отъ постороннихъ порученій, не относящихся до круга дѣятельности Редакціи.

Цѣна 40 к. сер.